

Детектив & Путешествие

ОТ СОЗДАТЕЛЕЙ
КАМАСУТРЫ

ЮЛИЯ
АЛЕЙНИКОВА

Юлия Алейникова

От создателей Камасутры

Серия «Детектив-Путешествие»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936455

От создателей Камасутры : роман / Юлия Алейникова: Эксмо; Москва;

2012

ISBN 978-5-699-57900-6

Аннотация

Восток – дело настолько тонкое, что тут никогда не знаешь, чем обернутся те или иные поступки. Вмешавшись в дела крупного индийского мафиози по прозвищу Кровавый Махараджа, Юлия Ползунова спасает из его борделя русскую девушку. Но ее саму вскоре похищают преступники, заставляют мыть в грязном притоне полы, пока муж, крупный российский бизнесмен, не заплатит за Юлию огромный выкуп. Но неугомонная госпожа Ползунова, не дождавшись помощи и убежав из проклятого борделя, решает... ни в коем случае не возвращаться домой, в Россию, к мужу и детям, до тех пор, пока не сможет отомстить Кровавому Махарадже! Юлия ввязалась в настоящую войну с всесильным мафиозным «королем», и здесь ей приходится надеяться только на свои собственные силы и помощь местных жителей, многие из которых тоже мечтают свести счеты с всесильным индийским Аль-Капоне...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	59
Глава 6	73
Глава 7	85
Глава 8	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Юлия Алейникова

От создателей Камасутры

Глава 1

Дура, дура, дура я, дура я проклятая! Так, кажется, пел Аркадий Райкин, изображая беспардонного хама в фильме «Волшебная сила искусства»? Я стерла локтем пот со лба и принялась вновь орудовать тряпкой. Мытье грязного, заплеванного пола эстетического удовольствия отнюдь не доставляло.

Как могла я, взрослая, самостоятельная, самодостаточная, уважаемая всеми мать двоих детей, женщина с университетским образованием, оказаться поломойкой в низкосортном борделе? Когда я разгуливала в нарядах «от-кутюр» по пятизвездочному отелю три дня тому назад, мне и в голову бы не пришло, что такое возможно.

Я плюхнула в ведро грязную вонючую тряпку и, повозив ею в ведре, отжала ткань по мере сил и вновь бросила на пол. Вот она, соль жизни, и богатые, оказывается, плачут не только в сериалах.

Ведь сказали же мне, дуре: «Сиди, не двигайся», – и кто, спрашивается, виноват, что я поперлась за этим самозванцем? А с другой стороны, кто бы догадался, что он вовсе не

сотрудник аэропорта? Только телепат! Сидела бы я сейчас дома, у бассейна, с детьми, и лопала мороженое.

На глаза мои навернулись слезы – мне стало жалко себя до ужаса. По щекам потекли соленые струйки. Собираясь капельками на подбородке, слезы редким дождем закапали на чумазый пол. И это итог моей сорокалетней жизни?! Одна, в чужой стране, бесправная рабыня в борделе? Рыдания мои становились все отчаяннее.

Нет, нет, не распускаться! Я никогда не сдавалась! Меня найдут обязательно! Начальник аэропорта и наш дорогой шеф Шиваджи знают, что меня украли! Они меня разыщут.

Но только что-то они не больно торопятся! Уже три дня прошло. Василий наверняка получил сообщение от бандитов и сейчас с ума сходит! А дети? Какой у них, должно быть, стресс! И ведь даже если мой муж найдет такие деньги, меня все равно не вернут живой! Ком в моем горле стал размером с хороший арбуз, проглотить его не удалось, и я завывала, пронзительно и жалостно, уткнувшись носом в мокрый тряпичный ком.

В темном коридоре раздались шаги, я замолкла и вжалась всем телом в стену. Кто-то, прошлепав мимо, пнул меня коленом в зад. Вот оно, мое ближайшее будущее! Я принялась тереть пол, не переставая заливаясь слезами и предаваясь отчаянию с каким-то беспредельным исступлением. Из этого состояния меня вывел бодрый оклик.

– Юлька? О! Уже трешь? – хрустя яблоком, выползла из

своих апартаментов Галька, крупная, грудастая девица со спутанными, выжженными перекисью волосами.

С этим неземным видением я познакомилась в первый день моей работы полумойкой. Я мыла этот проклятый пол, заливаясь горючими слезами и кляня на чем свет стоит собственную глупость, и вдруг открывается дверь и по всему дому терпимости разносится вопль: «А ну, признавайтесь, б..., кто мой фен спи...?!» Услышав эту «дивную» тираду на родимом русском матерном языке, я сначала подскочила, а потом рухнула всей задницей прямо в ведро с грязной водой.

– Ты кто? – оторопело уставилась я на соотечественницу, пытаюсь выбраться из ведра.

– Ну ни фига себе! – удивилась не меньше меня прелестная нимфа, запахивая на талии куцый шелковый халатик. – Русская?

– Ага! – обрадовалась я до невозможности.

– Ну, дела! Мать твою! Откуда ты?

– Из Петербурга! – радостно воскликнула я. – А ты?

– Из Телятинок.

– Из... кого?! – вытаращилась я.

– Да поселок такой, под Пензой. Пензу-то знаешь?

– Пензу знаю. Как же ты сюда попала? – вот первый вопрос, родившийся в моей тут же преисполнившейся сочувствия душе. – Тебя продали, да? Паспорт отняли? Ты, наверное, няней хотела устроиться? – сыпала я без умолку разными историями, которыми обычно начинались откровения

ревуших с голубого экрана освобожденных «сексуальных рабынь».

– Да вот еще! Это только дуры всякие думают, что они у миллионеров будут детей нянчить. А мне бабки нужны. Конечно, можно было и в Москву поехать. Но я решила – лучше мир посмотрю, пока не замужем. А то потом начнется – дети, хозяйство...

– Замужем? Дети? – не поспевала я за Галей (которую позже стала звать Галчонком).

– Ну да. Так чего, спрашиваешь, я сюда-то поперлась? Нам с Витькой на свой дом в самих Телятинках ни в жизнь не заработать.

– Где?

– Поселок это наш, под Пензой. Ты что, глухая?! Я ж тебе только что говорила! Ну, ты и тормоз! Так вот. Раньше-то у нас и ферма большая была, и завод кирпичный. Колхоз был большой, а сейчас все загнулось. Народ разбегается кто куда. А нам – некуда. Родня вся дальше райцентра не выезжала, деваться не к кому. Вот мы и решили: дом построим, землю у колхоза в аренду возьмем и коровник поставим. Фермерами, значит, станем. Я по телику видела, у нас один мужик в соседней области так сделал. У него дом большой, трактор. Только, чтобы построиться, деньги нужны. Витька – мужик работающий, непьющий. Рукастый. Да я и сама, еще в школе учась, матери на ферме помогала, она у меня доярка. За мной на работе пойдя угонись! Я и тут больше всех за ночь

клиентов отработать успеваю. Они от меня еле-еле выполняют, так я их откатываю! – гордо развернула плечи жрица любви. – Да ко мне даже из других городов приезжали! Во какая слава обо мне пошла! – Не найдясь, что ответить, я восхищенно вздохнула и часто заморгала глазами. Удовлетворившись моей реакцией, Галья понеслась дальше: – Вот мы и решили – чего сидеть, надо зарабатывать, пока мы молодые. Помочь-то нам некому. У него мать одна лямку тянет. Отец его три года назад из-за пьянки откинулся. А у меня еще Анька есть, сестра, ее поднимать надо. А отец без работы сидит, мать тоже копейки получает. Если бы не огород да не бабкина пенсия, так мы и вовсе ноги протянули бы.

– А что ты Витьке сказала, когда сюда поехала? – прониклась я чужими проблемами, даже забыв про ведро.

– Что сказала? А! Так говорю тебе, мы вместе решили.

– Он что, сам тебя отпустил?!

– Ну, ясен перец! Где еще-то деньги взять? Что я – фотомодель? Это вон Ленка Кожина, красавица, блин, первая! Когда мы школу заканчивали...

– А тебе сколько? – влезла я с некорректным вопросом.

– Девятнадцать, – не обиделась Галя. На вид девица тянула лет на двадцать пять. – Так вот заявила, мол, Ленка, в школу моделей поеду, в Москву! Выучусь, мол, на модель и в Париж поеду! У меня, мол, ноги-руки! Выпендривалась все перед нами. У нее батя водилой работает у хозяина пекарни, деньги есть. Собрали эту козу в дорогу, и что? Через год она

уже на Рижском вокзале у обочины стояла. Нам-то писала – мол, все круто, работаю у Юдашкина! А когда Светка Ляхова в Москву поехала, на стройку, ее какая-то родня дальняя туда устроила, она Ленку нашла и к ней незваной завалилась. Нам Ленка гнала, что она в отдельной квартире живет, а сама-то еще с десятью б... на окраине где-то маялась. Мать ее, конечно, как узнала – Светка-то тут же всем растрезвонила, – сразу в Москву и за уши Ленку домой приволокла. Так она еще возвращаться не хотела. Из их избы неделю вопли неслись, Ленка с родаками ругалась. Что я, мол, в вашем Мухомосранске не видела! Там – столица, культура! Люди какие! Не буду я, мол, навоз таскать!.. Мать ее дояркой работает.

Ничего! Неделю побесилась, в погребке денек-другой посидела – и успокоилась. Работать, правда, не пошла. Она из города такие бабки привезла! Через полгода замуж выскочила. В Пензу они с матерью по магазинам поехали, так Ленка там с каким-то мужиком на рынке познакомилась. У него свой ларек, фруктами торгует. Состоятельный, в общем. Короче, помоталась она к нему с полгода, и расписались они. Квартиру на ее бабки купили. Ребенка родила. Он зарабатывает, она дома сидит. Машина у них своя, «девятка». Вот тебе и б...! А мы все ржали над ней. Зря! Вот мы с Витькой и подумали – чего я, хуже Ленки? Сначала думала я тоже в Москву податься, но как-то по телику передача была про проституток, как они за границу ездят, ну я и подумала – а чего я тут не видала? Так я хоть за границу съезжу, когда еще

придется? Сначала я в Европу податься хотела, – продолжала Галина с видом светской львицы, – а потом дай, думаю, на море где-нибудь пристроюсь. Я моря никогда не видела.

– Ну и как? Часто на пляж ходишь?

– Не-а. Вначале неделю подряд ездила, а потом надоело. А вообще мне тут нравится. Народ иностранный, тепло, жарка вкусная, пальмы... Думаю, еще годик я тут посижу, а потом – домой. И на ферму хватит, и на дом.

– А Витька-то тебя дождется? Не боишься, что он на другой женится?

– Да я с такими бабками любого мужика у нас в Телятинках заполучу! – хмыкнула самодовольно подбоченившаяся Галина. – К тому же он сам все время трясется, как бы я тут какого-нибудь «насоса» не подцепила. Я ж девка видная, блондинка, а они тут до блондинок очень охочие, – гордо потряхнула она сожженными перекисью волосами.

Беседа наша была прервана появлением госпожи Ваджпаи. Сухая темнокожая женщина в темно-зеленом мрачном сари с черной вышивкой, увешанная тяжелыми старинными украшениями, была чем-то вроде местного цербера, правой рукой хозяйки борделя. Увидев меня сидящей без дела верхом на ведре и празднично треплющейся, она с силой пнула ногой по ведру, так что я проскользила метра три на пузе и плашмя растянулась на полу. Грязная вода потекла по моей спине противными холодными струями, а эта зеленая кикимора завизжала таким пронзительным голосом, что в сосед-

нем баре, наверное, полопались все стаканы.

Сегодня я предпочла беседовать с соотечественницей, не отрываясь от работы.

– Слышь, Юлька! Я вчера письмо от сеструхи получила. Помнишь, я тебе про Таньку Курочкину рассказывала? Ну, про ту, у которой брат на косой почтальонше женился? – За три коротких дня нашего знакомства Галька засыпала меня рассказами о своих односельчанах, и теперь у меня в голове была каша из чужих имен и сплетен о жизни далекой пензенской деревушки. Решив не навлекать на себя новый поток объяснений про косую почтальоншу, я сочла за лучшее просто кивнуть. – Прикинь, замуж вышла! За Леху Петухова. Ну не приколы?! Он – Петухов, она – Курочкина! Сдохнуть можно! – зафыркала от смеха Галина. – А самый ржач, что он ростом ей едва до пупа достает. Она девка здоровая, выше меня, а он тощий такой, его соплей перешибешь, и еле мне до подмышки дотягивает.

– Зачем же она за него пошла? – Я не заметила, как бросила тряпку, напрочь забыв о работе.

– А за кого ей идти-то? Ты что, думаешь, у нас там мужиков пруд пруди? Кто разъехался, кто пьет. А Леха хоть и мелкий, но, говорят, горячий, – мечтательно вздохнула Витькина невеста, – и не пьет, а в случае чего ему всегда врезать можно и к ногтю его прибрать. А самое прикольное – они свадьбу отгрохали на весь колхоз, идиоты! Козу продали! В загс в район на тракторе с лентами и куклами ездили! Танька

платье сшила в районе, в обтяг, на ее-то телеса! Фату! Ну, ей-то надо, у нее морду как будто куры поклевали! Столы накрыли, народ три дня самогонку жрал на халяву.

Поняв, что меня снова затягивает в омут чужих проблем, я мужественно тряхнула головой и принялась за мытье пола, к тому же вдалеке послышалось шарканье чьих-то ног. Галька еще минут пять побеседовала с моей оттопыренной задницей, затем оторвала половину от моей тряпки и, не переставая молотить языком, принялась тереть со мной на пару щербатые половицы. Дело пошло быстрее. Работала она и впрямь – не утонишься.

Через полчаса, прослушав еще пять-шесть историй о личной и общественной жизни Галкиных односельчан, я привалилась спиной к стенке только что домытого туалета и с облегчением осознала, что пол чист на всей вверенной мне территории. Помимо мытья полов в этом кисейном заведении в мои обязанности входило мытье унитазов и раковин, вынос кухонных отходов, перестилание простыней, короче – Золушка отдыхает, и все, что еще только будет угодно хозяйке дома терпимости и ее злобной фурии-подручной, госпоже Ваджпай.

Посидев у стены минут десять и помассировав спину под неумолчный стрекот бодрой Галки, я принялась за отдраивание вонючих унитазов.

- А в позапрошлом году Санька, мельников сын...
- У вас что, и мельница есть?

– Да нет, откуда? Это он в детском саду в «Сказке про кота в сапогах» участвовал, с тех пор его так и прозвали. Так вот, пошел он в лес и на медведя напоролся. Здоровенный такой!

– Сколько же ему лет?! – уронила я ершик. Ничего себе родители в Телятинках, таких маленьких детей в лес одних отпускают!

– Кому? Медведю?

– Какому медведю? Саньке!

– Да уж полтинник, наверное. Они с моим отцом одногодки.

Тьфу ты! У меня от Галькиной болтовни совсем крыша поехала.

– Короче, – Галя бодро размазывала по «внутренностям» унитаза чистящее средство. – Медведь как зарычит, голодный, видать, был, и на Саньку пошел, а тот с перепугу на елку забрался, дурак, и дрожит! – захлебываясь от восторга, ткнула меня в плечо рассказчица. – Медведь походил вокруг, походил и убрался, а Санька слезть не может. Когда он от страха наверх карабкался, сам не понимал, что делает, внизу и веток-то не было. Как туда влез, неизвестно. Темнеть стало, а он сидит. Хорошо, мать его в этот день трезвая была, так-то она пьет, как лошадь...

– Сколько ж ей лет? – в очередной раз удивилась я.

– Семьдесят, кажись.

– И пьет?

– А что ей еще делать? Она уже лет тридцать зашибает.

Как второго мужа похоронила, так и пьет.

– Почему?

– Слушай, тебе про кого слушать интереснее, про медведя или про эту дуру пьющую?

– Про обоих, – честно ответила я.

– Ладно, о чем это я? Ага! Так вот. Ну и к ночи побежала она по домам, народ собирать. Ушел-то Санька еще с утра. Мужики с фонариками пошли лес прочесывать. Только они внизу ищут, а он высоко на елке сидит. Хорошо, с ними собака была. Она его учуяла. Лает под деревом, надывается. Эти думают, что она белку учуяла, и тянут ее прочь. А Сашка сидит наверху и сипит еле слышно, орал-то он, считай, часов десять кряду, голос сорвал. Потом дня три говорить не мог. Да и пил он, если честно, так, что лыка не вязал. Хорошо, сообразил шишку вниз кинуть, да так удачно, что чуть глаз деду Ване не выбил, тот как раз из города приехал, операцию на глаза делал. Подвинусь-ка, я сама, – отодвинула меня в сторону Галка и принялась тереть очередной фаянсовый постамент. – Что-то ты вялая какая-то, лучше я сама все сделаю, а то мы до ночи не управимся, – она явно взялась за дело. – Когда его к утру с елки сняли, он разогнуться не мог. Лестницу пришлось из деревни в лес тащить, прикинь? На ней его домой и притащили! Мать три дня его самогоном отпаивала, пока он в себя не пришел!

Через два часа бордель сиял чистотой, подушки в салоне были взбиты и художественно разложены на диванах, сто-

лики протерты, пуфики расставлены, занавески расправлены, плафоны протерты. Я с «восьмиугольной» головой пила «Пиквик», заваренный из родных российских пакетиков, сидя напротив меня, прихлебывала из здоровенного бокала чай моя новая подруга. Рта она за эти два часа так и не закрыла. Зато переделала за меня львиную долю работы.

Вопрос был в том, что лучше? Ломота в спине или гудящая, как улей, голова?

Ну вот. Еще один долгий, тягостный день закончен. Я подняла глаза и увидела, как за стеклом маленького окошка под самым потолком моего чулана заходит солнце. Веки мои сомкнулись от усталости, но сон не шел. На меня нахлынули воспоминания и образы из моей прошлой счастливой жизни, наполненной любовью и радостью.

Глава 2

– Ну что, пришел, наконец, факс?

– Да. Только что, – помахала я в воздухе бумажкой, прикрыв за собой дверь.

Василий взял ее и недоуменно уставился на нечеткое изображение худосочного парнишки лет двадцати, в очках и с мелкими кудряшками довольно-таки длинных волос.

– Она что, издевается? Как его можно найти по этому изображению? – муж раздраженно потряс листом бумаги в воздухе.

– А ты чего хотел? Это же факс. Ладно, не психуй. Она уже экспресс-почтой послала штуки три настоящих фотографий. Завтра утром получим.

Василий что-то нечленораздельно хрюкнул. Надо так понимать, что он вполне удовлетворился моими объяснениями.

– А ты дозвонился до Сереги?

Мы с мужем остались на Гоа абсолютно спонтанно. Когда наши чемоданы были уже уложены, а билеты заказаны, позвонила из Петербурга моя сестрица и попросила нас навещать сына своей начальницы: мальчик, мол, отдыхает на Гоа и уже дней пять не звонит мамочке. Просьба пустяковая, и мы пообещали ее выполнить.

Как и следовало ожидать при нашем-то счастье, парень

куда-то пропал, причем вместе с подружкой. И вот теперь, отправив Веронику с Денисом домой, в Ниццу, мы оказались вынуждены искать блудного сына незнакомой нам женщины, которого и в глаза не видели.

Чтобы облегчить себе задачу, мы с мужем решили обратиться за помощью к его старинному приятелю, которого случайно встретили в Мумбае пару недель тому назад. Серега давно освоился в Индии и предлагал в случае чего обращаться к нему за помощью. Случай не замедлил нарисоваться.

– Звонил. Сказал, он что-нибудь придумает. Сам перезвонит.

– Ладно. Что делать будем? – спросила я. За окном моросил неизменный унылый дождик.

– Я лично – спать, – сообщил муж, заваливаясь в койку, предоставив мне развлекаться на свое усмотрение.

Романтика!

Вопрос с поиском мальчика решился на удивление просто. Сергей составил нам протекцию к местному начальнику полиции, господину Шиваджи. На следующий день с пачкой фотографий мы прибыли в городское полицейское управление и после часовой беседы и ароматного кофе с местными сластями мы, совершенно успокоенные, вернулись в отель. Шеф, как кратко окрестили мы между собой господина Шиваджи, обещал отыскать юношу за пару дней.

Слово свое он сдержал. На следующий день, ближе к обе-

ду, раздался телефонный звонок.

– Мадам Ползунова? Кажется, мы нашли пропавшего молодого человека, сейчас за вами подъедет моя машина и отвезет вас на опознание.

Через полчаса мы высадились в центре города, у знакомого нам рынка. Как и обычно, на улице, сидя под старыми вылинявшими навесами, торговали своим немудрящим товаром загорелые, словно высушенные на солнце, женщины, дети предлагали мелкие сувениры и рыбу, нищие самого причудливого вида, в пестрых лохмотьях, сидели и лежали на мостовой, не замечая стекающих на них дождевых струй.

Господин Шиваджи, худощавый, подтянутый, вышел нам навстречу, привлекая внимание публики своим нарядным мундиром. Его помощник семенил позади, держа зонт над высоким во всех смыслах – рост его шефа приближался к двум метрам – начальством.

– Рад видеть вас, мадам, – поприветствовал он меня, галантно целуя мою руку, и страстно сверкнул масляными глазами. Пока я обалдело моргала, он как ни в чем не бывало пожал руку Василию и предложил нам следовать за ним.

Пройдя метров десять, он остановился и указал нам на скрючившегося на тротуаре человека. Худые ноги в грязных джинсах, кроссовка на одной ноге отсутствует. Лица не видно, сидящие рядом попрошайки почти закрыли собою этого человека, хватая нас за колени. Человек дрожал и время от времени издавал жалобные протяжные стоны, как раненое

животное.

– Кто это? – жалостливо поинтересовалась я.

Шеф щелкнул пальцами, и сопровождавший нас полицейский наклонился и подтащил бедолагу буквально нам под ноги.

Несомненно, это был Павлик! Бледный, с огромными синяками вокруг глаз, с закатившимися глазами, он явно был тяжело болен. Русые кудрявые волосы свалились и прилипли ко лбу мокрыми прядями. Мальчик вновь застонал.

– Немедленно в больницу! – взвизгнула я писклявым от шока голосом, взбрыкнув ногой. Какой-то особенно нахальный нищий больно ущипнул меня.

– Вы уверены, что это он? Документов при нем не обнаружено, – отнюдь не спешил с оказанием помощи индеец.

– Абсолютно!

– Да грузите его! – раскрыл, наконец, рот и Ползунов. – Все расходы мы берем на себя.

После этой волшебной фразы подъехала машина «Скорой помощи» и забрала страдальца, а нам господин Шиваджи предложил ехать следом в его машине.

Прождав в приемном покое минут сорок, мы, наконец, были допущены в палату, куда поместили Павлика.

– А он выживет? – встревоженно поинтересовалась я, глядя на несчастного ребенка, цветом лица слившегося с простыней.

– Не беспокойтесь: правильно подобранные антибиоти-

ки, диета, и через неделю он будет как новенький, — успокоил меня молоденький симпатичный врач, сопровождавший нас. — Все необходимые анализы мы уже взяли, ждем результатов экспресс-тестов.

Поблагодарив шефа полиции и уладив с больницей все финансовые вопросы, мы попрощались с местными эскулапами и попросили разрешения навестить больного завтра. Тем более что доктор обещал привести его в чувство в течение суток. Надо же было выяснить, что с ним стряслось.

На следующий день мы прибыли в больницу около часа дня и первыми посетителями уже не были. Павлика допрашивал полицейский чин.

— Привет! — улыбнулась я испуганному ребенку, теребившему слабой рукой простыню и с ужасом взиравшему на дядю в форме.

— Вы русские? — испуганно и удивленно спросил больной.

— Да, мы знакомые твоей мамы, точнее, знакомые ее знакомых. Меня зовут Юлия Павловна, а это мой муж, Василий Никанорович.

— Здорово, — прогудел из-за моей спины Ползунов.

— Меня, кажется, арестовать хотят! — заплакал измученный жизнью парнишка. — Помогите!

— Что за чепуха? — я обернулась к стоявшему у меня за спиной и вежливо улыбавшемуся офицеру.

Когда мы вошли, он поднялся со стула и теперь ждал, когда можно будет продолжить беседу. Взглянув в его доброже-

лательное лицо, я попросила позволить нам поговорить пару минут с больным наедине, что было, в общем-то, излишним, поскольку вряд ли рядовой полицейский с Гоа владеет «великим и могучим».

– Ну, деточка, рассказывай, – ободряюще улыбнулась я Павлику, подсаживаясь к кровати. Василий позаимствовал стул у соседней койки, где лежал и читал книжку пожилой индиец в очках.

Найденный наконец-то сын Наташкиной начальницы набрал в грудь воздух, пугливо оглянулся на дверь и зашептал, тараща глаза от возбуждения:

– Понимаете, такой ужас! Я никогда раньше не пробовал, а тут, на пляже, веселые все такие, добрые, чужая страна... Ну, я и попробовал, я не собирался, понимаете, мы просто мимо шли... А они там сидели, мы и остановились посмотреть. Вы только маме не говорите, ладно, она меня просто убьет!

– Нет проблем. Хотелось бы, однако, понять, о чем не стоит говорить твоей маме?

– То есть как? Ну, об этом... – заморгал глазками этот великовозрастный младенец. – О... костях! – испуганно прохрипел он.

– Считай, договорились. А теперь – на фиг этот политес, выкладывай: что ты натворил?

– Так я же ее проиграл, – застучал он зубами.

Нет, с этим кудрявым херувимом никаких нервов не хва-

тит, подумала я, выжидательно глядя ему в глаза. «Будешь ты продолжать или нет?!»

– Слышь, парень, хватит резину тянуть и глаза закатывать. Мы не твоя мама и не директор гимназии, – не выдержал Ползунов. – Или ты рассказываешь, за что тебя хотят арестовать, или выпутывайся сам, лечение оплачено, – и он сделал вид, что собирается уходить.

– Нет, нет! Стойте! Я же рассказываю – я ее проиграл! – возбужденно зашептал деморализованный Павлик. – Не специально. – И он разразился горькими, со всхлипами, рыданиями.

Индиец на соседней койке давно уже бросил свою книжку и живо наблюдал за нами. На лице его читалось явное неодобрение наших с Василием методов воспитания больного подростка.

– Проиграл вазу? – вкрадчиво и слегка ехидно поинтересовалась я.

– Чего?! – шмыгнул носом Павлик.

– Корову?

– Корову?!

– Нет?

– Что – нет?

– Слушай, парень, кончай издеваться! – потерял терпение Василий. – Или ты говоришь, что проиграл, или – адыю.

– Так я ведь и говорю, я Ленку проиграл! – выдавил этот мотальщик нервов и окончательно утратил самообладание.

– Ленку? Подожди. – Кое-что стало медленно доходить до меня: Наташка же говорила, что Павлик приехал отдыхать вместе с подругой, в отеле мы не нашли их обоих... Но о девушке мы как-то сразу забыли, а, видимо, зря! – Так ты говоришь, проиграл ее в карты?! На пляже? Где она сейчас? – напряглась я, предчувствуя недоброе.

– Не знаю. Я пытался за ними следить, а они меня избили и уехали.

– Так я и знал! – шарахнул кулаком по собственной ноге Василий. – Еще вчера, когда его нашли, – что-то, думаю, слишком быстро и без проблем. Ненормально это при нашем-то счастье! – Он нервно тряс головой и все больше заводился.

Павлик, выросший с обожающей его мамой и не привыкший к крикам и скандалам, даже перестал реветь от страха и только хлопал полными ужаса глазами из-за натянутого по самые веки одеяла.

– Расслабься, дорогой. Дядя просто немного расстроился, – похлопала я его по руке. – А теперь давай по порядку. Когда это было?

В дверь заглянул полицейский чин, утомившийся ждать в коридоре. Приложив руку к груди, я виновато улыбнулась и показала на пальцах – еще пять минут. Он кивнул и удалился.

Убедившись, что бить его не будут, Павлик успокоился и поведал нам совершенно идиотскую историю. Ни в жизнь

бы в такое не поверила, не лежи он передо мной как живое доказательство истинности всего произошедшего.

На следующий день после их приезда, когда в сплошной пелене дождя наметился небольшой просвет, Павлик с Леной отправились побродить по пляжу. Народу на всем побережье было – кот наплакал, но кое-где сидели под зонтиками на топчанах отдельные личности, а иногда и группы личностей. Свободные художники, медитирующие йоги, тетки с вязаньем, дети с ведерками, группы курящих мужчин и женщин и еще игравшие в кости четверо индийцев. Вернее, трое играли, а один смотрел. Загорелые, худощавые, как сам Павлик. Тихо и мирно они кидали кости, иногда негромко смеялись, ласково и по-доброму. Парочка остановилась посмотреть. Внимание на них обратили не сразу, но вот один из игравших в очередной раз продул партию и, смеясь, затряс головой, отказываясь играть дальше и шутливо грозя пальцем приятелю. Тот так же шутливо пожал плечами и, взглянув на Павлика, махнул ему рукой – мол, давай, хочешь попробовать? Павлик застеснялся, стал отказываться и собрался было уходить, лепеча, что он не умеет и вообще им надо идти. Но как-то незаметно для самого себя он сел на топчан, и через пару минут его уже ободряюще хлопали по плечу и хвалили за удачливость. Еще через пятнадцать минут он проиграл всю наличность, а через десять минут, сам не понимая, как это он, вместо того чтобы отыграться, поставив на кон часы, проиграл Леночку. Причем ни о чем таком он с эти-

ми господами не договаривался. И когда господа взяли ее за руку, Павлик мужественно вступился за девушку. Леночка тоже ничего не понимала, всячески упиралась и брыкалась, звала полицию, но куда там! Никакой полиции на пляже не было, да и за то время, что они играли, дождь припустил по новой, и вся публика куда-то разбрелась, а те, что остались на пляже, не проявили к бедным детям никакого интереса.

Индийцы, игравшие в кости, из мирных безобидных обывателей в один момент превратились в злобных бандитов. Толкнув Павлика так, что тот упал, они взяли Леночку с двух сторон под мышки и поволокли ее куда-то. Павлик побежал за ними, продолжая орать и кидаться на похитителей. В конце концов, когда они вышли к шоссе, к припаркованной на обочине машине, один бандит забрался вместе с Леночкой на заднее сиденье, а трое других принялись мутузить незадачливого игрока в кости. Откуда-то на его крики прибежал полицейский, но вместо того, чтобы спасти ребят, он сам наподдал Павлику ногой, сказал что-то насмешливое этим мерзавцам и удалился. После чего у Павлика отобрали все документы, которые он носил с собой, часы, DVD-плеер и мобильник; и, крепко врезав ему напоследок, господа укатали в неизвестном направлении. Павлик пытался бежать за машиной, запомнил ее номер, но куда уж ему угнаться было за ними?

– Так почему же ты не пошел в отель, не вызвал оттуда полицию? – недоуменно поинтересовалась я.

– Как же я туда пошел бы, у меня ведь документы отняли?

– И что? Ты там живешь. В номере – твои вещи. У тебя что, каждый раз на входе паспорт спрашивали?

– Нет, – растерялся мальчик.

– Так отчего ты не пошел в отель?

– Не знаю. Испугался...

– А в полицию почему не обратился?

– Так они же меня и побили! – вновь захныкал бедолага.

Я открыла было рот, но промолчала: что взять с мальчика, попавшего в такую ситуацию?

– Ладно, а дальше что было?

– Я до ночи прятался в зарослях, очень замерз, страшно мне стало – а вдруг там змеи? Я на пляже нашел какую-то тряпку, спал под ней на топчане, только ушел подальше от... от того места. А утром пошел в город, надеялся кого-нибудь из наших туристов встретить, чтобы они мне помогли консульство найти или, может, домой позвонить разрешили бы с их мобильника. Но наши как-то не попадались, а пить и есть мне жутко хотелось, и ноги совсем не держали. Ну, я мучился, мучился, а потом напился из уличного фонтана и пошел на вокзал, там поспал немного на скамье. Но у меня был такой вид, после того как меня избili, что полицейский стал ко мне присматриваться, и я убежал. Ночевал с нищими возле рынка. Сперва я их боялся, но потом ничего, они добрые, во всяком случае, не обижали меня. Утром мне какая-то женщина дала поесть. А к вечеру мне стало плохо. Голова

ужасно болела, и жарко стало очень, температура, наверное, поднялась... А дальше я ничего не помню. А меня теперь в тюрьму посадят? – дрожащим голосом спросил Павлик.

– Что? – не сразу поняла я.

– За что? – со вздохом спросил Василий.

– За Леночку.

– Ты-то тут при чем? Это мерзавцев этих сажать надо, – обреченно вымолвил Василий. – Ладно, Юль, запускай офицера, он там и так уже заждался.

Ближайшие пару часов мы потратили на составление протокола, описание личностей преступников и разбор полетов на местности. После чего, наскоро перекусив в больничном буфете, отправились с визитом к начальнику полиции.

По идее, никто не уполномочивал нас искать пропавшую девушку. Но не бросать же человека в такой беде! Оставалось только надеяться, что за те дни, пока Павлик валялся в окрестностях рынка, ее не покалечили, не посадили на наркотики и вообще не очень сильно над ней издевались. Об остальном даже думать не хотелось.

Господин Шиваджи радости от этих хлопот отнюдь не проявлял, но, взявшись за гуж, как говорится...

Спустя три дня, на протяжении которых Василий безостановочно орал в мобильник, решая рабочие вопросы, и бесился от невозможности вернуться домой, шеф Шиваджи выявил некоего недобросовестного сотрудника во вверенной ему организации и «предъявил» его Павлику. Павлик, тря-

сясь под одеялом, типа этого опознал, а тот, в свою очередь, выдал полиции мелких жуликов, продавших Лену в притон. Негодяи эти – после долгой беседы – выложили, куда они дели девушку, и полиция подготовила облаву. Документы нашему мальчику восстановили, и он не мог дожидаться отбытия на родину. В свой отель он возвращаться отказался и сидел у нас в номере, вздрагивая от криков Ползунова. Покидать здание отеля он категорически отказывался и, если бы не страх перед родителями Лены, давно улетел бы домой.

Наконец, заветный час икс настал: повязали кучу народу, предъявили нам штук пятнадцать девиц, всех цветов кожи и волос и комплекций, но Лены среди них не было. После долгих эмоциональных допросов задержанных удалось выяснить: да, Лена в борделе была, но во время облавы она каким-то образом ускользнула и от хозяев, и от полиции, и где она теперь, не ведомо никому.

– Господа, боюсь, что на этом моя миссия окончена. Разумеется, я внесу вашу девушку в список пропавших, ее фото мы раздадим всем в числе прочих разыскиваемых лиц, но большего я вам обещать не могу. Я и так оторвал сотрудников от других операций ради быстрого решения вашего вопроса. Мой привет и наилучшие пожелания господину Качаху.

Влиятельному другу нашего Сереги, любезно согласившемуся составить нам протекцию.

На этом мы покинули полицейское управление.

– И сколько нам тут еще торчать? – раздраженно обернулся ко мне муж. – А если они ее через год найдут? У меня дела стоят! Все, хватит этой благотворительности, надо вызывать ее родителей, пусть сами ищут Лену.

– погоди. Ты представляешь, что с ними будет? Давай лучше так. Ты поезжай, а я задержусь на недельку, если ее не найдут, ладно, я вызываю родителей, а сама еду домой. А Павлика ты берешь с собой.

– Хитрая!

– Да что – хитрая? Тебе с ним только в самолете до Петербурга надо долететь, а там мамаша его встретит.

– Ладно. Но ты уверена, что я могу тебя одну без присмотра оставить?

– А в чем, собственно, проблема?

– Вляпаешься опять во что-нибудь.

– Ну, знаешь, жила я до тебя и не вляпывалась! – рассердилась я. – И вообще, если хочешь знать, все мои неприятности – они, собственно говоря, твои! – Крыть Василию было нечем, поэтому всю дорогу до отеля мы молчали.

А через день я махала улетавшему самолету, стоя у ограды аэропорта. За последние полтора года я впервые оказалась предоставлена самой себе! Пьянящее чувство свободы сменялось к вечеру тоской по родственникам. Я набрала номер Вероники.

– Ало? Мам! Ничего не слышу! Мы на дискотеке, перезвоню завтра! Пока!

Денис был в кинотеатре, а Василий разговаривал еще по двум телефонам и орал так, что желание общаться с ним испарилось на корню.

Вечер я скоротала за пролистыванием какого-то глянцевого журнала.

Глава 3

Уезжая, муж строго-настрого мне наказал: территорию отеля не покидать, ни во что не впутываться, сидеть в центре аюрведы или еще где-нибудь, но – только на пресловутой территории. Два дня я строго следовала указаниям любимого супруга, а на третий мне показалось, что я превращаюсь в кочан капусты, который растет себе на грядке, а за ним любовно ухаживают.

Отбросив в сторону очередной журнал, я подняла глаза к потолку и взвыла. Нет, хватит с меня! Вскочив с кровати, я три раза обежала весь номер по кругу, сделала пять наклонов и приседаний и взялась за телефон.

– Дхамш? – радостно воскликнула я, услышав в трубке протяжное, глубокое «Алло?». За время наших странствий по этой стране я здорово усовершенствовала свой английский и теперь без труда объяснила Дхамшу, своему старому знакомому, суть проблемы. Возможно, все же несколько безграмотно. Главное – он меня понял.

После обеда, облачившись в лиловое сари, с сумкой под мышкой, я выплыла из здания отеля и села в уже ставшее мне родным такси. Дхамш галантно захлопнул дверцу машины и, рысцой обежав машину, сел за руль.

План был таков. Мы высадимся неподалеку от места, где держали Леночку, и начнем опрашивать население, не попа-

далась ли кому-то на глаза худенькая европейка в джинсах и майке, с длинными русыми волосами, среднего роста? Фотографий девушки у меня с собой было штук пять, не меньше. Полиции такое количество не понадобилось. Бродя по извилистым улицам бедной окраины, мы не заметили, как начали сгущаться сумерки. Первый «заход» результатов не принес, но на мгновенный успех я и не надеялась.

Следующие три дня я выезжала на поиски, как на работу. Джамш, жутко довольный постоянным доходом и ненапряжной работой, с радостью сопровождал меня, совмещая обязанности охранника и гида. Он цветисто рассказывал мне о каждом закоулке, куда нас заносило в ходе поисков. Послушать его, так тут и впрямь каждый камень дышит историей – если только он сам их не выдумывал, чтобы меня развлечь. Порою мне казалось, что он вообще забывал, зачем мы тут бродим, и жутко удивлялся, когда я, сунув ему в руки фото, отправляла его опросить попрошаек – не видели ли они нашу Лену?

Полиция, похоже, к нашей истории вообще охладела. Начальник полиции, услышав мой голос по телефону, жутко оживлялся, но только до тех пор, пока я в очередной раз не отказывалась от совместного ужина с ним. Дальнейшее его не интересовало. Встречаться с ним лично я побаивалась – после отбытия Василия он определенно перешел в наступление. Прожигал меня насквозь страстными томными взглядами, не выпускал мою руку после не в меру затянувшегося

рукопожатия, и прочее в том же духе. Судя по всему, господин Шиваджи был законченным донжуаном. Оставалось посочувствовать его супруге.

Лена не находилась, время шло. Семейство настойчиво требовало моего возвращения. Но не могла я вот так запросто уехать. Родители девушки до сих пор не получили визу и приехать в Гоа не могли, к тому же их средств хватило бы максимум на пару недель проживания в очень скромном отеле. Языка они не знали, как искать дочь в чужой стране – не представляли. Ее мать каждый день звонила мне, заливаясь слезами, и с надеждой спрашивала – не нашлась ли Леночка? Утешить ее я могла только тем, что она явно жива, а значит, мы ее разыщем.

Однажды, бредя по узкой улочке недалеко от центра Маргао, я случайно наткнулась на расписную тарелку, выставленную среди прочих на прилавке возле гончарной мастерской. На тарелке, окаймленная тропической зеленью, была изображена Петропавловская крепость – без всяких сомнений. Удивленная до глубины души, я остановилась и взяла ее в руки.

Из мастерской вышел хозяин. Вытирая руки о фартук и кланяясь, он пригласил меня зайти посмотреть его прекрасные блюда и кувшины.

– Мне нравится вот эта тарелка. Что это за место? – спросила я, показывая на рисунок.

– Не знаю. Эту тарелку расписывал не я. Если хотите, у нас

есть виды Тадж-Махала, а еще – Золотой храм, храм Шри Мангеш, базилика Бом Хесус...

– Нет, нет, меня интересует именно это блюдо.

– Это рисовала девушка, она не индианка. Я не знаю, откуда она.

– Я покупаю это блюдо. Вы не могли бы мне рассказать поподробнее об этой девушке?

Хозяин посмотрел на меня хитрым оценивающим взглядом.

– Вот эту тарелку тоже она расписывала, – сказал он, вытаскивая откуда-то из заднего ряда нежно-голубую тарелку с изображением стрелки Васильевского острова.

– Хорошо, ее я тоже возьму. Так что же насчет девушки?

– Сейчас не сезон, очень мало покупателей, – как ни в чем не бывало продолжал этот мелкий вымогатель.

– Я совершенно равнодушна к керамике! Разве что для знакомых купить, в качестве сувениров?.. – в тон ему лениво проговорила я. Глаза хитреца заблестели от удовольствия, но тут я добавила: – Хотя это же не единственная лавка в городе, возможно, где-нибудь есть товары подешевле и поинтереснее.

– Ратна! – тонким от волнения голосом закричал чумазый продавец.

Из глубины дома выплыла высокая статная дама в малиновом сари. Она была выше мужа на целую голову. Мило улыбнувшись мне, она свысока взглянула на супруга, как ко-

ролева на верного вассала, с ноткой покровительственного одобрения.

– Дама желает узнать о девушке, расписавшей эти тарелки. – И он торопливо добавил: – Она их уже купила.

Я протянула деньги, и он, торопливо схватив их, спрятал монеты в карман запачканного глиной фартука, как будто боялся, что я передумаю.

– Почему вас интересует эта девушка? – несколько настоятельно спросила жена гончара.

Взглянув на нее повнимательнее, я решила, что самым простым способом услышать правдивую информацию будет такая же искренность с моей стороны.

– Вы позволите войти?

– Прошу вас, – проговорила она мягким глубоким голосом, отодвигая занавес из бус, закрывавший вход в мастерскую.

Я в двух словах изложила ей историю Павла и Леночки и показала фото, уже порядком помятое от постоянных демонстраций.

– Это она, – внимательно рассмотрев фотографию, подтвердила хозяйка. – Она появилась на нашей улице вчера, рано утром. Шла, пошатываясь, очень худенькая, насквозь мокрая, с каким-то несчастным, потерянным взглядом. Я только открывала окна, прохожих еще не было. Она остановилась неподалеку, вон у того дома, прислонилась к стене, и мне показалось, что она сейчас упадет. Мне стало очень

жаль ее. Я подумала – может, ее обокрали, или она потерялась, а может, ее кто-нибудь обидел? Я вышла из дома и хотела спросить, не нужна ли ей помощь. Но она страшно перепугалась, попятилась и упала, споткнувшись о камень. В общем, я ее подняла, отвела в дом, умыла, накормила и, ни о чем не спрашивая, уложила спать в комнате дочери. Ее сейчас нет, моя дочь учится в Мумбае, в университете, приедет только на каникулы. Девочка проспала часов десять, а когда проснулась, сказала, что ей нужно в Дели, и спросила, куда идти, в каком направлении? Я объяснила и попробовала расспросить, зачем ей в Дели, как же она доберется? Но она сразу замкнулась. А потом спросила, можно ли ей расписать тарелку, она этому училась. Муж не хотел, но я разрешила. У нее красиво получилось, она сказала, это ее город. Но название его она не пожелала нам сообщить.

– Это Петербург, в России, – объяснила я. – Эту девочку очень напугали и обидели, ей нужна помощь.

– Я поняла. Я боялась ее отпускать, хотела, чтобы она отдохнула, успокоилась, но она попросила дать ей с собой бутылку воды и рано утром ушла.

– Сегодня... рано утром?! – дошло до меня. – Куда она пошла?

– Вот по этой улице, до площади Праса-Жоржи-Баретту. Надо свернуть с площади налево и дальше держаться направления на запад. Так она выйдет на шоссе, ведущее в Панаджи. Мне показалось, что она собирается идти пешком, всю

дорогу, – с полными искреннего удивления глазами проговорила эта добрая женщина.

– Спасибо. Я хочу купить вот эти тарелки, – сказала я, торопливо беря в руки стопку из десяти тарелок, стоявших возле двери.

– Совершенно не обязательно что-то покупать, – сказала госпожа Ратна, отбирая у меня тарелки, – тем более что их еще не обожгли. Девушка нуждалась в помощи, мы ей помогли, вот и все.

– Нет, нет! Я хочу купить сувениры для друзей. Но я боюсь, что задерживаться нельзя... Завтра я обязательно приду за тарелками! Спасибо вам огромное! – скороговоркой выпалила я, выскакивая на улицу и высматривая Джамша. Тот тихо-мирно сидел рядом с хозяином мастерской и, как замороженный, следил за вращением гончарного круга.

Вырвав его из состояния нирваны, я погнала моего провожатого к машине, по пути озвучивая инструкции. Когда машина уже мчалась к шоссе и я, вытянув шею, высматривала в окно салона стройную фигурку девушки, пришло озарение. Похоже, Лена собралась пешком пересечь полстраны, чтобы добраться до российского посольства!

Мы выехали на трассу, но девушки нигде не было видно. Может, мы ее проглядели, запаниковала я. А может, она рискнула ехать автостопом? Или решила переждать в зарослях до рассвета, чтобы поменьше мелькать на дороге, из страха попасться на глаза своим похитителям? Подпрыгивая

на заднем сиденье, я то и дело давала Джамшу новые указания.

– Останавливайся, мы возвращаемся! Нет, лучше еще немного проедем... Нет! Сначала вернемся к выезду из города!.. Нет, все же лучше доехать до ближайшего городка или деревни и там поспрашивать. Или лучше все же вернуться?

Джамш спокойно, как истинный пофигист, рулил вперед, тихо мурлыча себе под нос. Было непонятно, слышит он меня вообще или нет. Разозленная таким невниманием, я с силой ткнула его в спину.

– Вот она! – радостно отозвался этот престарелый хиппи.

– Кто – она? – раздраженно отозвалась я, раздираемая сомнениями, ехать ли дальше или повернуть.

– Девушка, – довольным голосом констатировал мой возница.

– Девушка?! Девушка! – Информация, наконец, достигла моего «центра приема данных». – Где?! – подпрыгнула я на сиденье и треснулась головой о потолок, а потом носом о полуопущенное оконное стекло.

– Вон идет! – Джамш ткнул длинным загорелым пальцем вперед.

Проморгавшись, я разглядела в серой пелене дождя размытую маленькую фигурку, бредущую по обочине среди велосипедистов, коров, тележек и пеших паломников. Было непонятно, как Джамш смог ее разглядеть в этой мешанине. Поскольку дорогу в очередной раз перекрыло то ли стадо

бродячих коров, то ли очередной праздничный кортеж, мы еле тащились, и я, потеряв терпение, выскочила из машины и с воплем радости: «Лена! Стой!» – кинулась бегом к девушке.

Вопреки всем ожиданиям, она не бросилась ко мне с не менее радостными криками, а, наоборот, резко оглянувшись, подскочила и понеслась прочь со всей возможной скоростью.

– Эй! Ты куда?! Стой! – орала я что было сил, несясь за ней.

Бежать мне было крайне неудобно. Юбка сари путалась в ногах, сандалии так и норовили слететь с ног, и в конце концов, сбросив их, я побежала босиком, оскальзываясь в грязи и хватаясь за что попало, чтобы не грохнуться, – за волов, людей, за чьи-то велосипеды... Судя по звукам, пару человек я уронила.

Джамш припарковал такси у обочины и бежал рядом со мной ровным, размашистым шагом, не делая никаких попыток опередить меня и догнать Леночку. В правой руке он держал зонт, прикрывая наши головы.

«Что за олух!» – разозлилась я, утирая пот со лба.

Леночка тем временем свернула на какой-то узкий, ухоженный в заросли проселок. И, несмотря на ее явную усталость и изнуренный вид, молодые ноги работали куда продуктивнее, чем мои, «пожившие» на свете почти вдвое дольше.

– Джамш! Она уходит! Что делать?! – крикнула я в отчаянии, не особо рассчитывая на реальную помощь.

Но Джамш переложил зонтик в другую руку, подхватил меня под локоток и потащил, как буксир баржу, я еле успевала перебирать ногами.

Мы выскочили из кустов на открытое пространство. Впереди, метрах в ста, маячил какой-то поселок. Если она туда добежит и начнет петлять среди домишек, поймать ее будет трудно. Объяснять на бегу, что я – хорошая, невозможно, я и так еле дышала, в бок закололо. Долго я так не выдержу. Девочка оглянулась, увидела и припустила так, как будто у нее выросли крылья.

Чему тут удивляться? С завидным упорством за ней несутся некий здоровенный громила в татушках и пирсинге и злобного вида одышливая индианка средних лет, в сари, обвешанная украшениями, с почерневшим от загара лицом. Загар я приобрела на необитаемом острове, и он до сих пор не «слез». А после нашего маскарада в Бристоле я так и не вернула свой светло-русый цвет волос, оставшись жгучей брюнеткой. Соотечественницу во мне не признал бы и сосед по родному дачному поселку.

Бедняжка, наверное, вообразила, что это погоня из дома терпимости настигла ее, и просто так нам в руки не дастся. Надо что-то срочно делать!

– Джамш! Она сейчас уйдет! Сделай что-нибудь! – прохрипела я, держась за бок – в глазах моих потемнело.

Выкрикнув это, я понадеялась, что он бросит меня и кинется в погоню с удвоенной энергией.

Ничего подобного! Он отшвырнул зонт, схватил меня одной рукой за шиворот, другой – за пояс и швырнул вперед, как тук с мусором. Пролетев метров двадцать, не меньше, я врезалась всем телом прямо в Леночку, сбив ее с ног и придавив к земле. Дыхание мое от этого удара сбилось, в глазах совсем потемнело. Подо мной слабо барахталась костлявая, угловатая Лена, по-видимому, почти утратившая способность дышать.

Кое-как переведя дух, я слезла с распластавшейся в красной глине девушки и, наконец справившись с одышкой, присипела:

– Не бойся, я русская! Просто я уже давно тут торчу. – Окончательно придя в себя, добавила: – Меня твоя мама попросила помочь. Ее зовут Татьяна Алексеевна Никонова. А Павла неделю тому назад отправили домой.

Леночка все еще с ужасом смотрела на меня, сжавшись, как маленький зверек, готовая отбиваться до последнего. Но постепенно глаза ее оттаяли, в них проснулось что-то теплое, хорошее. Она поморгала и внезапно разразилась такими бурными рыданиями, что я даже испугалась. Я обхватила ее за плечи и начала укачивать, шепча ей на ухо всякие утешительные глупости. Джамш, подошедший к нам своей неспешной прогулочной поступью, раскрыл над нами зонт. Как обычно, на его лице играла безмятежная улыбка.

Глава 4

Умытая, накормленная и выпавшаяся Леночка свернулась калачиком в кресле, глядя на меня своими огромными серыми глазами.

– Вылетаем завтра утром. Сначала я посажу тебя в самолет, удостоверюсь, что он взлетел, а потом уж сама отправлюсь в Ниццу. Когда соберешься ко мне в гости, сразу звони. Я сама тебя встречу. У нас там тихо. Будешь сидеть у бассейна, в теннис играть, с моими ребятами познакомиться. Они хорошие, тебе понравятся.

– А можно, вы со мной полетите? – несчастным голосом спросила она в десятый раз.

– Деточка, меня дома ждут. К тому же самолет-то российский. Летят в нем сплошь русские туристы. А в аэропорту тебя встретит мама.

– М-м... А может, я с вами полечу?

– Я не против, но твоя мама будет волноваться.

– Вы ей точно ничего не сказали? – испуганно спросила девочка.

– Нет. Я же тебе обещала. Но ты, когда вернешься, обязательно сходи к врачу. Обещаешь?

– Конечно. Я же понимаю.

Вчера, когда мы вернулись в отель и Леночка окончательно уверовала в свое спасение, она рассказала мне жуткую ис-

торию своего заточения в публичном доме.

— Когда они избили Павла, а меня затолкали в машину, я сразу поняла, что со мной будет! Я так испугалась, что сначала хотела выброситься из машины. Просто, чтобы не жить... Но струсила, — Лена все время судорожно всхлипывала, и я дала ей выпить рюмку коньяка как антистрессовое средство. — Они привезли меня к какому-то мужику, долго препирались с ним, потом он осматривал меня, как лошадь на базаре. Даже под футболку заглянул! Я пробовала вырываться, но они мне так врезали под дых, что я еле отдышалась. Потом меня заперли в каком-то чулане и держали там почти сутки. У меня часы были. Есть почти не давали, да я и не могла. А вечером приехал один важный мужик. Но с ним мои похитители не договорились. Он потом сам меня целых три дня «торговал», пока покупателя не нашел. Приехал еще один тип, надутый такой. Не один, а со свитой! Ему меня и продали. Бородатый, холеный, сам меня осматривать брезговал. К его приходу первый мужик, который вначале меня купил, велел какой-то женщине меня накрасить и приодеть. Но ничего не вышло. Я так брыкалась, что они плюнули, показали меня, как я была — в футболке, непричесанную. А потом меня привезли в этот кошмарный притон и спихнули на руки какой-то злобной тетке. Она схватила меня за волосы, да так, что чуть скальп не сняла, и прошипела: «За тебя заплачены большие деньги! Будешь отрабатывать, а не будешь — пожалеешь!» Отвела меня в какую-то комнату, там все такое

ярко-красное было, кровать огромная, подушек куча, трюмо с зеркалом. Запах стоял такой тяжелый, удушливый, знаете, как будто там годами ароматические палочки жгли. Я этот запах не перевариваю! Эта ведьма сказала, что здесь я буду жить и клиентов обслуживать. Чтобы к восьми часам я была готова. Накрасилась бы, оделась красиво, она меня в зал, к клиентам, поведет. На столике валялась куча старой косметики, видно, ее кто-то оставил, а за занавеской какие-то яркие тряпки висели. Я даже смотреть их не стала. Все равно решила, что проституткой не буду, ни за что! – Щеки ее разгорелись лихорадочным румянцем, руки затряслись. – А вечером, когда эта баба пришла, я была не готова. Она усмехнулась, щелкнула пальцами и позвала охранника. Здоровый такой, вонючий мужик, он меня сначала избил, сильно, а потом... изнасиловал!

Я зажала рот руками, чтобы не закричать от ужаса. Бедный ребенок! Что же это за сволочи такие?!

– А эта гадина стояла и смотрела. А потом и говорит – если, мол, завтра не одумаешься, их уже будет двое! Тогда я решила: или убегу, или отравлюсь. Но меня там стерегли, убежать бы я все равно не смогла. Я с таким ужасом ждала следующего вечера! Я всю ночь молилась! У меня от страха даже зубы стучали. И тело все болело. Он меня по лицу не бил, только по телу – по почкам, по животу, по груди. У меня до сих пор синяки не сошли. – И она задрала банный халат, под которым виднелись желтые с зеленым разводы.

Я налила ей еще коньяка, а себе – корвалол.

– Они так еще два дня надо мной издевались. И в конце концов сказали, что, если я не одумаюсь, они меня покалечат, а потом на органы продадут. Но на следующий вечер что-то там у них случилось. Когда они снова пришли ко мне, я сидела в углу и тряслась от страха. Старая ведьма вытащила меня из угла, схватила за шею и затрясла, вопит – поумнела ли я, или им меня еще поучить? И вдруг она насторожилась, отпустила меня и к двери кинулась, охранник – за ней. Я сперва ничего не поняла. Потом слышу – шум, крики, свист... Люди туда-сюда забегали. Я за дверь выглянула – темно, кто-то мимо меня пробежал, оттолкнул к стене, в конце коридора выстрелы раздались. Тогда я тоже куда-то побежала. Темно, только пару раз из-под каких-то дверей свет мелькнул, но я не останавливалась, бежала за звуком шагов. И выскочила к черному ходу. А там уже кого-то поймали. Я поняла, что это полицейские, и еще больше перепугалась!

– Но почему? – не выдержала я.

– Не хватало мне еще и в тюрьму попасть! Или еще куда-нибудь похуже! Я спряталась за каким-то ящиком, а когда кто-то выскочил из дверей и все снова драться начали, я потихоньку отползла вдоль стены на четвереньках, забилась в углу за кучу мусора и там сидела, пока все не закончилось. Когда всех, кого они отловили, увезли, я вылезла и тихонько побежала, куда глаза глядят. Лишь бы оттуда подальше.

– Леночка, ведь полицейские тебя искали! Мы спасти тебя

хотели!

Но, похоже, она меня почти не слышала. Раскачивалась на диване, как сомнамбула, с горящими глазами, крепко сжав в руке рюмку.

Решив оставить этот вопрос в покое, я спросила, что было дальше.

– Я всю ночь в каких-то кустах просидела, очень боялась, что меня найдет кто-нибудь, и змей тоже боялась. А днем осмотрелась, оказывается, я у самой дороги пряталась. Пешеходов днем много, я идти боялась, но мне очень пить хотелось, поэтому я кое-как привела себя в порядок, пристроилась к какой-то толпе и дошла до ближайшей деревни. Там в магазине выменяла на часы большую бутылку воды и опять в кустах спряталась.

В отель я возвращаться боялась. Денег и документов у меня не было. Полиции я тоже опасалась. Поэтому решила в наше консульство или посольство идти. Но где, кроме Дели, есть наши консульства, я не знала. Поэтому и решила идти в Дели.

Говорить человеку, пережившему такой глубокий стресс, о безумии этой затеи – идти пешком через всю страну, без денег и документов, – было бы в высшей степени негуманно. Счастье, что она вообще не потеряла рассудок!

– Так я дошла до Маргао. Еду мне подавали, изредка. Иногда я ела фрукты, росшие на деревьях вдоль дороги, невкусные они, но это неважно. А в городе одна женщина приюти-

ла меня. Она очень добрая, только я мужа ее боялась, поэтому быстро от них ушла. Он гончар, и я в благодарность за гостеприимство расписала для них несколько тарелок.

– Благодаря им я тебя и нашла! – Главное было уже сказано. Леночка клевала носом из-за усталости и коньяка. Я проводила ее в спальню, уложила в кровать, посидела рядышком, пока она не уснула, и пошла звонить ее матери.

Я не стала рассказывать бедной женщине всю правду об ее дочери: во-первых, боялась, что с ней может случиться инфаркт от таких подробностей, во-вторых, я обещала девушке. Но о том, что ее дочь избивали и она нуждается в помощи хорошего психотерапевта, я все же сказала.

В день отлета нас разбудил солнечный луч, проскользнувший сквозь шторы. Индия словно бы вдруг одумалась и решила напоследок блеснуть перед нами всем своим великолепием, как бы извиняясь за все случившееся, попыталась своей красотой смягчить горечь произошедших событий. Но когда мы закончили завтрак, небо вновь приобрело привычный для нас жемчужно-серый оттенок.

В аэропорту Лена намертво вцепилась в мою руку, испуганно озираясь по сторонам. Когда регистрация закончилась, я высмотрела среди пассажиров приятную на вид пару, мать и дочь. Дочь была примерно моего возраста, и обе женщины производили впечатление на редкость интеллигентных и добродушных людей. Я познакомилась с ними, оказалось, что обе работают в Пушкинском доме. Мама, профес-

сор с мировым именем, участвовала здесь в какой-то конференции. В двух словах рассказав им Леночкину историю, я попросила их присмотреть за девушкой в полете. Они с радостью согласились и тут же принялись развлекать ее, на мой взгляд, несколько консервативными способами, читая ей наизусть Бальмонта, Мицкевича, Гумилева. Но это уже было не так важно. Главное, что ребенок не будет тосковать в самолете и переживать по новой все ужасы своего «индийского турне».

Когда самолет взлетел, я отправилась к стойке «Эйр Франс», подала любезной девушке в форменном костюмчике билет и паспорт, и вот с этого-то и начались непредвиденные, абсолютно неожиданные и, уж конечно, совершенно нежеланные перемены в моей жизни.

Начало им положила чья-то рука, внезапно опустившаяся на мое плечо. От неожиданности я даже подпрыгнула. Первая мысль была: Леночка не улетела! Да нет, улетела, вздохнула я с облегчением, обернувшись и увидев перед собой индийского полицейского.

Он строго взглянул на меня и попросил девушку за стойкой подать ему мои документы. Его быстро подошедший к нам коллега заглянул в мой паспорт, кивнул головой, что-то сказал удивленной сотруднице авиакомпании и строго командовал: «Пройдемте!» Первый полисмен тут же подхватил меня под локоток.

– А что случилось? – перешла я от растерянности на род-

ную речь. – В смысле, what's the matter? – поправила я.

Не удостоив мою персону ответом, они молча повлекли меня к выходу.

Не прошло и двадцати минут, как меня уже оформляли в участке, похоже, по обвинению в использовании поддельных документов! На мой взгляд, это была полная дикость. У меня был родимый российский паспорт, как они могли определить, что он поддельный, мельком глянув в абсолютно чужой для них документ? К тому же я российская гражданка, тихо лечу по своим делам, ничего лишнего не везу. Основной багаж давно отправлен домой, в сумке – необходимый минимум одежды, и все. Глупость какая-то! С визами все в порядке. И с индийской, и с шенгеном. Ерунда полнейшая! Между тем меня уже вели в камеру, в которой томились четыре дамы, судя по всему, представительницы самой древней профессии на свете, и парочка побирušек. Только опустившись на скамью, я сообразила, что должна была всем этим откровенно возмутиться.

– Стойте! – заорала я вслед уходившему полицейскому. – Я гражданка иностранного государства! Я требую немедленного телефонного звонка в консульство! – Ноль внимания. – Сейчас же позвоните начальнику полиции, господину Шиваджи. Он – мой хороший друг! – Ноль реакции. Дверь хлопнулась.

Да что же это делается?! С ума они тут посходили, что ли?! Хватают невинного человека, сажают его в обезьян-

ник... гм, какое интересное слово, где же я его слышала? Кажется, в «Ментах»... Так вот, сажают в обезьянник... Ни тебе телефонного звонка консулу, адвокату, друзьям, ни тебе простого объяснения – за что взяли? – кроме этого бреда о поддельных документах! Беспредел, да и только!

Сидевшая на полу у моих ног нищенка заерзала и принялась почесываться. О Господи, да у нее, кажется, блохи! Бывают блохи у людей? Взглянув еще раз на чумазое создание, я решила, что бывают. Если только у нее нет чего-либо похуже... Я быстренько отодвинулась подальше от нее. Размазанные девицы в мини-юбках презрительно и вызывающе меня разглядывали. Главное, чтобы не побили, подумала я.

Время шло. Интересы ко мне никто не проявлял. Полицейские не появлялись. Хотелось есть, спать, а главное – выбраться отсюда! Ближе к вечеру, похоже, у полицейских началась «пересменка». Появился новый офицер, он обошел с планшетом в руках все камеры и пересчитал «поголовье» задержанных. Я высказала ему свои требования – дать мне позвонить и сообщить начальнику полиции о моем заключении. Он молча выслушал, что-то пометил у себя в блокноте и так же молча ушел. Прелестно!

Я не сомневалась, что эта ошибка рано или поздно разъяснится и меня выпустят, а как же иначе – но лучше бы она прояснилась пораньше! В панику я пока что не впадала.

Ночь я провела на жесткой скамейке, привалившись к пухлому плечу жрицы любви по имени Джессика. Естествен-

но, это был псевдоним. Девицы оказались не вредные, компанейские, и мы почти подружились.

Утро встретило меня болью в спине, голове и пояснице. Почки тоже не радовали. Это на улице плюс тридцать, а здесь – сырые каменные стены и не выше плюс двадцати пяти. Хочу на волю!

И тут, словно бы в ответ на мой крик души, появился служилый с ключами и отпер нашу темницу.

– Госпожа Ползунофа, на выход!

Дважды меня приглашать не требовалось. Махнув на прощание девчонкам, я выскочила за дверь.

Одумались, голубчики! Надеюсь, они принесут мне извинения. Как бы то ни было, я обязательно сообщу обо всем их начальству, пусть устроит им выволочку! Даже позвонить не дали!

Преисполненная воинственности, я гордо вошла в дверь, которую мой провожатый услужливо распахнул передо мной.

В кабинете, к моему удивлению, сидел господин Шиваджи собственной персоной. Секунду я стояла, раскрыв рот, потом опомнилась и села напротив него, всячески демонстрируя свое возмущение.

Выглядел он неважно. Когда я вошла, он растирал ладонью осунувшееся небритое лицо, стараясь прогнать усталость.

– Плохо выглядите, – ехидно обронила я, нарушая молча-

ние.

– Да, знаете ли, – поднял он на меня красные, усталые глаза. – Бессонная ночь, а когда я собрался идти домой, принесли полицейские отчеты за прошедшие сутки. Думал, быстренько по ним взглядом пробежусь – и домой, отсыпаться. Да, видно, не судьба. – И он выразительно уставился на меня.

Я только подняла брови.

– На глаза мне попалась ваша фамилия. Сами понимаете, во всем Гоа вряд ли сыщется хоть один ваш однофамилец.

Да уж! Это вряд ли.

– Пришлось мне ехать за вами, – тяжело вздохнув, он нажал на клавишу на столе и что-то сказал по-португальски.

Вошел хозяин кабинета с папкой под мышкой. Меня этот субъект просто проигнорировал.

– Вам не кажется, что этому господину было бы нелишним извиниться передо мной? – спросила я, злобно поджав губы.

Вчера этот негодяй точно так же реагировал на мои требования вызвать консула и предоставить мне телефон.

Шеф молча взял папку и кивнул на дверь. Начальник участка, или кто он там, тоже молча удалился, по-прежнему не глядя по сторонам.

– Я сожалею, что вам пришлось ночевать в столь некомфортных условиях, но поверьте мне, если бы я просмотрел отчет менее внимательно или поручил это своему заместителю, вы, пожалуй, провели бы в еще более худших условиях ближайшие лет десять!

– Что за чепуха?! Вы серьезно подозреваете, что у меня липовые документы?!

– Нет. Зато я абсолютно точно знаю, вы с вашим супругом кое-кому порядочно насолили.

– Что, опять Мравинов?! – в ужасе спросила я.

– Простите?..

– Я спросила, кому мы насолили? – тряхнула я головой, отгоняя это, явно дикое, предположение.

– Не догадываетесь?

– Признаться, нет.

– Недавно – по вашей инициативе – был разгромлен при-тон, кое-кого посадили, кое-кто понес весьма ощутимый фи-нансовый урон. А сегодня я узнал, что и в Варанаси вы кое-кому доставили крупные неприятности.

– Вы имеете в виду мафию? – Мой вопрос повис в воздухе.

– Пойдемте отсюда. Ваш самолет вылетает через три ча-са, – сказал он, вставая и протягивая мне руку.

Мы молча погрузились в машину, и «Ниссан» плавно тро-нул, набирая скорость.

– Итак? Полицейское начальство боится мафии? – чрез-мерно развязно поинтересовалась я. И тут же об этом пожа-лела. Человек только что вытащил меня из тюрьмы, и вот вам благодарность! Я виновато взглянула на своего спутника.

Но господин Шиваджи, похоже, совершенно не обиделся.

– Как вас зовут? – ни к селу ни к городу поинтересовался он.

– Юлия Павловна, – растерялась я.

– Как? – видимо, такие замысловатые имена с лету в индийскую ментальность не укладывались.

– Джулия, – облегчила я его задачу.

– Так вот, Джулия. Я не очень большой знаток вашей страны, но того, что я вижу в новостях, достаточно, чтобы понять: в вашей стране подобная проблема тоже существует. И, думаю, вы прекрасно осознаете тот факт, что мафия – это не кучка мелких разбойников, грабящих честных граждан в темных переулках. Это серьезная структура, имеющая своих людей в самых высоких сферах. И закончим на этом отвлеченные рассуждения. Для вашего же блага лучше вам немедленно покинуть нашу страну, пока еще чего-нибудь не случилось.

– Но мне надо хотя бы душ принять! И переодеться! Хотя у меня даже багажа с собой нет... – растерянно произнесла я.

– Дома в душе помоешься, – твердо сказал он, «выгружая» меня из машины у здания аэропорта.

Мы прошли внутрь, причем сразу же свернули в служебные коридоры. Начальник полиции крепко держал меня за руку, как будто боялся, что сейчас меня у него отобьют крутые мафиози.

Как выяснилось, следовали мы прямым ходом в кабинет начальника аэропорта. Без задержек миновали секретаршу и ввалились в его кабинет, как к себе домой.

Но, похоже, наш визит неожиданностью для него отнюдь

не явился.

Средней упитанности господин в дорогом костюме, увидев нас, быстро закончил телефонный разговор и поднялся нам навстречу, протягивая руку.

Шефу Шиваджи он бросил небрежное: «Привет» – и присосался к моей руке. Похоже, все высшие посты в этой провинции занимают члены клуба донжуанов!

Сверкая карими глазами, он выплыл из-за своего стола, скороговоркой предлагая нам любые напитки на наш выбор и не сводя с меня плотоядного взгляда. Жаль, что я все же не приняла душ и не переоделась. Некомфортно чувствуешь себя под таким «прицелом» в жеваных брюках, со свалывшейся прической... Ну, судя по всему, терпеть мне осталось недолго. Самолет вылетает часа через два, пока регистрацию пройду и так далее...

Нам подали кофе. Мы уютно разместились на мягких диванах в углу кабинета. Хозяин беспрестанно предлагал мне то коньяк, то виски, то мартини, то сласти, то фрукты... Достал он меня ужасно! Мой полицейский покровитель участия в этой беседе не принимал, устало вытянув ноги, он клевал носом, уютно устроившись в углу дивана. Видимо, весь его интерес к моей персоне сузился до одной конкретной задачи: затолкать меня в самолет и забыть о моем существовании. Сексуальные домогательства начальника аэропорта в мой адрес его, по-видимому, совершенно не волновали.

Между тем глава аэропорта, игриво представившийся мне

Джеком, не на шутку раскочегарился. Меня неотступно мучил вопрос: что это его так разобрало и чего он хочет? Вот-вот объявят посадку на мой самолет, что он себе воображает – что я сейчас распластаюсь прямо на его рабочем столе, отдавшись порыву горячей страсти? И к тому же я ведь не двадцатилетняя красотка с пышными формами и не Брижит Бардо, я сейчас даже не блондинка! Почему он ко мне так прицепился? Может, он так понимает свой долг гостеприимного хозяина? Или этот тип – просто маньяк?

И вот когда уже я была готова прыгнуть на колени к мирно сопевшему в уголке господину Шиваджи, раздался телефонный звонок. Хозяин кабинета не хотел на него реагировать, но, как только звонок смолк, в дверь робко поскреблись, и секретарша, просунув голову в щелочку, быстро застрекотала что-то по-португальски. Как я поняла, в расчете на то, что я не разберу смысл сказанного. Лицо начальника аэропорта заметно вытянулось. Шеф полиции через секунду пробудился, он уже стоял на ногах.

Взявшись за ручку двери, он строго приказал мне не двигаться с места – ни в коем случае. И они оба умчались, оставив меня в блаженном одиночестве. Что бы там у них ни произошло, лишь бы они подольше не возвращались! Я с аппетитом перекусила фруктами и принялась листать какой-то индийский журнал. Тут в дверь кабинета вежливо постучались. Не дожидаясь ответа, дверь распахнулась, и на пороге появился молодой человек в летной форме, среднего роста,

подтянутый, гладко выбритый. Вежливо улыбнувшись, поинтересовался глубоким приятным голосом: «Госпожа Ползунова?» Я кивнула, одарив незнакомца не менее приятной улыбкой.

– Господин Шиваджи и господин Шах просили меня проводить вас на регистрацию.

– А разве она уже началась? – удивилась я, взглянув на часы.

– Вы пройдете ВИП-коридором. И это лучше сделать сейчас, – еще лучезарнее улыбнулся летчик.

Ну что ж, прекрасно! Я подхватила свою сумку и отправилась за своим статным провожатым.

Мы прошли по коридору, свернули на служебную лестницу и быстро сбежали вниз. Я хотела было попросить его бежать помедленнее, но побоялась сбить дыхание. Пройдя по другому длинному коридору, мы вышли, наконец, на дневной свет, под морозящий дождик, и милый молодой человек, быстро усадил меня в припаркованный поблизости автомобиль. Машина тронулась, он махнул мне вслед рукой и скрылся в здании аэропорта.

– Мы уже едем к самолету? – спросила я у сидевших впереди двоих мужчин.

Они, вероятно, не расслышали вопроса. С ревом взлетел лайнер «Бритиш-эйрвейс». Машина ехала по кромке летного поля. Слева от нас выруливали, взлетали и приземлялись огромные самолеты, а мы отъезжали от здания аэровокзала

все дальше, пока не свернули в какие-то покосившиеся железные ворота, распахнутые перед нами угрюмым сторожем в чалме и в грязных джинсах. Ворота захлопнулись, машина выехала на трассу, и водитель прибавил газу.

– Куда это мы?! – испуганно взвизгнула я, понимая, что опять вляпалась.

Глава 5

Ответом мне было гробовое молчание. Но общая атмосфера говорила красочнее любых слов. Несмотря на жару, меня вдруг зазнобило. Это что, та самая мафия?!

Мои «проводимые» не обращали на меня ровно никакого внимания. Чуть-чуть осмелев, я выглянула в окно. Тонировка на стеклах была почти «глухая», но, к счастью, показалось солнышко, на миг осветив мокрые от бесконечных дождей пальмы, тротуары и вереницу паломников, бредущих вдоль обочины и напевавших что-то на ходу.

Я прилипла носом к стеклу. Куда меня везут? Явно – не в Маргао. Дорога петляла между зеленых холмов, иногда спускалась в долину. Вся поездка отпечатывалась у меня в памяти в виде слайдов. Выглянуло солнышко – за окном появилась картинка. Солнце скрылось – наступила полная темнота... Минут через сорок или около того мы въехали в какой-то городок. Затем вновь вырулили на трассу.

Следующий населенный пункт появился минут через пятнадцать, и тут уж я не растерялась! Едва лишь впереди замаячили какие-то строения, как я подтянула сумку поближе, сгруппировалась и приготовилась к решительному рывку.

Предварительно я осмотрела обе задние двери и не обнаружила на них ручек, а также и стеклоподъемников. Просто так не выскочить! А сделать это мне жуть как хотелось!

«Поскрипев» своими очумевшими от страха мозгами, я решила попробовать выбить стекло. Однажды муж моей подруги в припадке ревности выбил кулаком лобовое стекло в собственной машине – прямо у меня на глазах. Я нахожусь в не менее стрессовой ситуации, у меня может получиться... Только проделать это надо на максимально людном перекрестке, желательно при наличии полицейского-регулирущика. Если мне не удастся выскочить, из окна машины выбросить что-нибудь яркое, заметное. Хорошо бы записку, но писать-то не на чем, к тому же автомобиль трясет... Мысли эти сумбурно теснились в моей взмокшей от ужаса голове.

Весь этот подготовительный процесс подозрений у моих стражей не вызвал, я ведь его не афишировала. И, когда машина остановилась на светофоре и тоненький ручеек пешеходов не спеша потек через переход, я, набрав полную грудь воздуха, с криком «Йа-а!» врезала обеими ногами по левому боковому стеклу. Похитители мои, как по команде, пригнули головы и заорали в унисон, как две пожарные сирены.

Ближайшие к машине пешеходы шарахнулись в стороны. А стекло, будь оно неладно, даже не треснуло! Может, оно бронированное, лихорадочно размышляла я, колотя по нему каблуком снятой с ноги туфли.

Тем временем красный свет сменился зеленым, машины, стоявшие позади нас, нетерпеливо засигналили, и парочка бесстрашных разбойников пришла в себя.

Первым делом они дружно повернулись и врезали мне в

лоб и под дых. Я скорчилась, хватая ртом воздух. Они так же дружно отвернулись, и машина тронулась с места.

Отрицательный результат – тоже результат, попробовала я утешить саму себя не к месту вспомнившейся пословицей.

Отдышавшись, я потянулась за выскользнувшей из рук сумкой – и разинула рот от досады и изумления.

Ну, надо же быть такой клинической дурой! Поблескивая кнопочками, на меня смотрел мой мобильник. Схватив его дрожащей от возбуждения рукой, я принялась тыкать в кнопки, но вовремя притормозила. Стоп! Аккуратнее. Главное, без паники. Я покосилась на бандитов. Кажется, они ничего не заметили. Так... Где мы – я не знаю. Номер машины – тоже не знаю. Лиц похитителей толком не видела. Что делать? Для начала отключу звук, пока кто-нибудь ненароком мне не позвонил.

И ведь как в воду смотрела! Не успела я убрать звук, как трубка завибрировала в моей руке.

Ну, наконец-то, спохватились, обрадовалась я. Звонил драгоценный мой спаситель, гоподин Шиваджи.

Похитители по-прежнему не достаивали меня своим вниманием. Я тихонько нажала клавишу ответа и громко спросила по-английски, дрожащим от страха голосом: «Это похищение? Куда вы меня везете?» В ответ мне раздалось дружное грубое ржание. Потом – что-то нецензурное.

– Где мы? Это же не Маргао! Мы уже два городка проехали, я в этой местности никогда не была. Куда мы едем? В

Мумбай?

В ответ последовал простой и доходчивый совет – заткнуться самой, без посторонней помощи. Я заткнулась. И, укрывшись пинкой переднего сиденья, поднесла трубку к уху. Тишина... Я кашлянула. Послышался шепот: «Продолжайте, только осторожно!»

Я собрала в кулак всю свою имевшуюся в наличии отвагу и залепетала с видом законченной идиотки:

– Всегда думала, что похитители ездят на черных машинах, а у вас – белый «Форд»! Это «Фокус», да? Правда, стекла такие черные, совсем почти ничего не видно... – Громила, сидевший на пассажирском месте, начал разворачиваться, и я – во избежание очередного хука справа судорожно залепетала: – Ой! Простите! Когда волнуюсь, я всегда много разговариваю! – «Беседа» велась мной, естественно, по-английски, и, хотя мои языковые навыки значительно улучшились, до идеала – хотя какой там идеал! – даже до среднего уровня мой английский явно недотягивал. Произношение и построение фраз, вероятно, только мне казались сносными. Потому что стоило мне открыть рот, как на лицах сопровождавших меня бандитов отражалось легкое недоумение.

Но унывать по этому поводу мне было некогда. Следовало напрячь извилины и спасти свою драгоценную жизнь всеми доступными способами.

– Вы извините, пожалуйста, за то, что я вам чуть окно не выбила и орала на светофоре так, что людей напугала. Я

больше не буду! Это было во втором городе, через который мы проезжали...

На этот раз я все же схлопотала по физиономии, правда, машину качнуло на повороте, мне даже больно не было, но вот страшно – очень.

– Ой! Вы чего деретесь?! – заныла я в микрофончик трубки. Нечего им расслабляться, пусть там знают, что меня бьют! Бандит, ударивший меня, видно, совсем озверел из-за моей болтовни и вновь обернулся ко мне с перекошенной от злости мордой, готовясь заткнуть меня окончательно. – Море! – заорала я с видом восторженной идиотки, тыча в окно пальцем, последовал удар – и тишина...

Очнулась я, когда машина уже притормаживала перед какими-то воротами, большими, железными, выкрашенными в цвет ржавчины. Их створки распахнулись перед нами и затворились, как только машина оказалась внутри небольшого двора, по углам заваленного каким-то мусором. Как долго я пробыла без сознания, я не знаю, поскольку время засечь не успела. Первое, о чем я подумала, очнувшись и потеряв большую голову, – это о мобильнике. К счастью, он валялся рядышком о мной. Когда мне врезали в челюсть, я свалилась с сиденья и остаток пути провела на полу, и мобильник – со мной. Тихонько поднеся его к уху, я убедилась, что он молчит. Заряд батареи еще не кончился. Отключу-ка я его на всякий случай. Неплохо бы его куда-нибудь спрятать... Вот только – куда? На мне была футболка в обтяжку, тонкие

льняные брюки и легкие туфли на босу ногу. Не разгуляешься! Ничего умного не придумав, я сунула телефон в карман.

Все равно меня обыщут и отберут его.

Машина остановилась. Дверца открылась, толстая волосатая рука схватила меня за шиворот и вытащила из машины. На всякий случай лучше я прикинусь ослабевшей от страха, не пришедшей в себя слабоумной дурой.

Я повисла на собственном входе. Меня встряхнули и попробовали поставить на ноги. Не тут-то было!

– Эй, ты! Шевелись, давай!

Фиг вам! Вам надо – вы и шевелитесь. Я сделала совершенно бессмысленное выражение лица и продолжала безучастно болтаться в руках державшего меня бандита.

– Слышь? – раздался рядом голос другого типа. – Ты ей не слишком сильно врезал? Что-то ей поплохело как-то.

– Проверим, – нехорошим голосом ответил державший меня детина. – Сейчас еще раз ей врежу, если не очухается, значит, с нее было слишком.

Перспектива потерять здоровье из-за собственного глупого упрямства меня не вдохновила, и я, бодро выпрямившись, встала на ноги.

– То-то! – довольно пробасил мерзавец, отвешивая мне крепкий подзатыльник.

Если так пойдет и дальше, то вначале мне грозит сотрясение мозга, а потом, возможно, и что-нибудь похуже.

Меня впихнули в какую-то дверь и по темному коридору,

пропахшему едой, дешевыми пряными духами и тяжелыми благовониями, провели в зал. То ли это бар, то ли ресторан – не поймешь. Но стойка тут была. В зале на широком красном диване, заваленном подушками, перед столиком, на котором стояла одна-единственная чашечка кофе, сидел солидного вида мужчина. В европейском костюме строгого серого цвета, в белоснежной рубашке, с элегантным галстуком. Загорелое лицо с европеоидными чертами окаймляла аккуратная холеная борода. В длинных изящных пальцах он держал сигару. Вонючий дым тонкой струйкой поднимался вверх, заворачиваясь в спираль и тая под пологом, натянутым над диваном. На мой взгляд, интерьер этого заведения был явно перегружен текстильным декором. Диваны, подушки, занавеси, пологи, ковры – все это пропиталось пылью и въевшимися насквозь запахами табака, восточных благовоний и еще неведомо чего. В носу у меня защипало. Только аллергии мне и не хватало, устало подумала я.

Вокруг босса – а что это был именно босс, сомневаться не приходилось, – в полумраке комнаты, как оказалось, имелось еще человек пять-шесть подручных. Их фигуры виднелись за кругом света, отбрасываемого маленьким светильником в матовом абажуре, стоявшим на столике, и я их в первый момент просто не заметила.

Меня подтолкнули в спину, и мои провожатые, поклонившись хозяину, быстро удалились. «Шестерки», – презрительно проводила я их взглядом.

Сидевший на диване господин молча разглядывал меня, не торопясь начинать беседу.

– Может, предложите даме сесть? – решила я помочь ему сдвинуться с мертвой точки.

– Пожалуй, нет, – ответил он мне глубоким мелодичным голосом, растягивая слова, как бы пробуя их на вкус. – Вы здесь не гостья, да и я – не джентльмен.

Я вопросительно подняла брови.

Выдержав эффектную паузу, щегольски одетый господин неспешно продолжил:

– Путешествуя по Индии, вы имели неосторожность затронуть мои финансовые интересы.

– Каким образом?! – вытаращилась я от удивления. Ничего я не украла, не испортила чужого...

Видимо, этот усиленный мыслительный процесс отразился на моем лице, потому что холеный господин досадливо поморщился и пояснил:

– Не вы лично, а ваше семейство в целом. Ваш муж, – добавил он для ясности.

– Да он же уехал давно!

Поняв, что тонкой беседы у нас не выйдет – по причине беспросветной тупости собеседницы, – и решив, что я все равно не в состоянии оценить изящество его словесных оборотов вследствие слабого владения английским языком, он махнул рукой и перешел к существу дела.

– По вашей милости полиция прикрыла одно из моих за-

ведений. – Я наморщила лоб. – Бордель, – пояснил он.

– А! – радостно воскликнула я. Ну, наконец-то до меня дошло! А я-то думала!

Бородатый моей радости отнюдь не разделил. Он смотрел на меня с нехорошим сомнением во взоре.

– Я поняла! – поспешила я заверить его.

Сомнение в его взгляде не исчезло. Вздохнув, он грустно покачал головой и приказал кого-то позвать. Через секунду на пороге появились мои похитители.

Ну, вот. Кажется, он понял, что мы с мужем сделали это не со зла, и я наконец-то смогу улететь домой. Я приветливо улыбнулась сообразительному боссу и, подхватив поудобнее сумочку, приготовилась попрощаться с ним.

Владелец домов терпимости строго взглянул на своих подручных и задал, на мой взгляд, совершенно уместный вопрос:

– Вы по дороге ее по голове не били?

– Нет, – честно ответил тот, что ехал на пассажирском месте. – Только под дых, – он красочно изобразил удар снизу.

– Свободны.

– Напрасно вы их отпустили! – возмутилась я. – Между прочим, удар в живот – это тоже очень больно! Не говоря уже о том, что женщин бить – вообще низость.

Справа от дивана послышалось чье-то всхлипывание, и один из приближенных босса согнулся пополам.

Сам шеф едва заметно ухмыльнулся, и это послужило сиг-

налом к безудержному ржанию всех присутствовавших в зале отморозков.

Что-то подсказало мне, что ржут они надо мной.

– Знаете, – с достоинством сказала я, – мне непонятна причина вашей столь бурной реакции! Поэтому просто отвезите меня в аэропорт.

– Увы, мадам, должен вас огорчить, – все еще гаденько улыбаясь, обратился ко мне лощеный бандюга. – Вы не покинете сие заведение до тех пор, пока ваш муж не возместит мне финансовые потери, понесенные мною в связи с вашей бурной деятельностью!

– Хорошо, назовите сумму. Я сейчас же позвоню ему, и мы немедленно уладим этот вопрос, – перешла я на деловой тон. – Нечего из меня клоуна делать!

– Думаю, вы не вполне отчетливо представляете себе размеры убытков, понесенных мною и моими компаньонами, к тому же не надо забывать и о моральном ущербе, – уже без всяких ухмылок проговорил он.

– Так о какой же сумме идет речь? Десять тысяч? Сто?

– Я навел справки о состоянии вашего мужа, о его вложениях, об имуществе, – видимо, на моем лице промелькнул некий оттенок самодовольства, потому что он счел нужным добавить: – В том числе и в России.

Я загрустила. Мне казалось, что все, происходящее на территории нашей отчизны, – тайна за семью печатями для любого иностранца. Ошибочка вышла!

– Так вот. После того как ваш супруг рассчитается со мной, у него останется достаточно средств, чтобы приобрести небольшой домик, скажем, где-нибудь на юге Франции и вести скромную, спокойную жизнь, не отказывая себе в маленьких повседневных радостях. Учитывая ваш возраст, тихая обеспеченная старость – прекрасный итог жизни. А бизнес и всю эту гонку за наживой оставьте молодым.

Я чуть не взорвалась. Старость?! Ты на себя посмотри! Сморчок закопченный! Да я вдвое, нет, втрое моложе тебя! А выгляжу, как двадцатилетняя девочка, нет, как восемнадцатилетняя! Старый ты трухлявый пень!

Судя по выражению его лица, он наслаждался моим возмущением. Размах его преступной деятельности, возможно, был и велик, а вот натура – склонная к мелким пакостям. Жалкое зрелище, как-то вдруг сразу успокоилась я.

– А до тех пор, пока господин Ползунов не реализует свои активы, – сказал он уже без всяких намеков на былое веселье, – и не внесет названную мною сумму, вы поживете здесь, – и он обвел все помещение широким жестом.

– Что, прямо в зале?

– Нет. Ночевать вы будете в помещении поскромнее. А чтобы не скучать, вы начнете отрабатывать долг.

– Каким, интересно, образом?

– У нас вакантна должность уборщицы, для работы с клиентами вы, извините, уже староваты.

– В каком смысле?

– Вы желаете поработать на панели?

– Боже упаси! – я невольно содрогнулась.

– Значит, будете уборщицей.

Он кивнул кому-то, стоявшему у меня за спиной. Через минуту в комнату вошла статная пухлая дама лет пятидесяти, в ярком алом сари и желтой кофточке поверх него. Этот наряд был украшен обильной золотой вышивкой. Лицо ее формой напоминало дыню, овальное и какое-то одутловатое. На этом лице играла добродушная улыбка, пухлые щеки, обильно покрытые румянами, придавали дамочке некое особое обаяние. Сразу хотелось припасть к ее пышной груди и поделиться с ней своими невзгодами. Звения своими украшениями, она подобрала подол и грациозно присела на пуфик у ног моего похитителя, склонив голову.

– Познакомьтесь, это госпожа Кафур. Хозяйка заведения.

Госпожа Кафур стрельнула в меня цепким взглядом и вновь воззрилась на безымянного господина. А кстати!

– Очень приятно, – кивнула я пухлой даме. – Но вот вы, сударь, забыли мне представиться. Я даже не знаю имени своего... – Я замаялась, пытаюсь подобрать правильное определение.

– Поверьте, вам лучше не знать моего имени. Если, конечно, вы желаете когда-нибудь выбраться отсюда.

Еще бы!

– Муж этой женщины должен мне весьма серьезную сумму, – сказал он госпоже Кафур. – В ожидании расчета она

поработает здесь некоторое время. Мы вернем ее супругу в целостности и сохранности, как только я получу долг сполна. А теперь – маленькая видеосессия, и вы можете приступить к работе, – закончил он, адресуясь уже ко мне.

Принесли черную ширму, стул, видеокамеру. Посадили меня на стул, сунули зачем-то мне в руки газету, объяснили Василию суть проблемы, озвучили сумму... Кажется, волосы у меня на голове повылезали от ужаса! Я пощупала свою несчастную макушку. Нет, волосы на месте.

Да кто же, будучи в здравом уме, выложит за свою жену такую сумму? Не дожидаясь окончания съемок, я вклинилась с вопросом:

– Простите, что прерываю... Вы уверены, что мой муж вам заплатит? Поймите меня правильно, я не жадничаю, просто умереть в этом зале с тряпкой в руках – лет этак через пятьдесят, так и не дождавшись выкупа, – перспектива безрадостная.

– Не беспокойтесь, так долго вам ждать не придется! – Я вздохнула с облегчением. – Через месяц мы начнем возвращать вас домой. Разумеется, по частям.

– А если ему наплевать? – разволновалась я не на шутку. Мой муж меня любит, я это знаю, но никогда я не задавалась вопросом о финансовом эквиваленте его страсти. Относительно других женщин я не беспокоилась, но – или я, или бизнес? Мама, помоги!

– Что ж, тем хуже для вас.

Через пару минут камеру выключили, взяли меня за загривок и выпихнули в темный коридор с криком: «Получайте!»

– А сумка? – пискнула я.

– Не понадобится, – прозвучал ответ.

Так и началась моя новая отвратительная жизнь.

Глава 6

Утро известило о своем наступлении болью в моей спине. Повернувшись на циновке, я покряхтела и кое-как встала на четвереньки. Комплекс простеньких упражнений помог мне обрести подвижность. Я вылезла из своей каморки и пошлепала в туалет, мыться и чистить зубы. Галька – добрая душа – подарила мне щетку и старую расческу. Полотенце я слямзила у заведения. Надо же мне чем-то вытираться!

Девки еще спали после ночного разгула. За эти проведенные в борделе дни я перезнакомилась со всеми жрицами любви. В основном все они были добродушными недалекими болтушками, немного капризными, но совсем не вредными. За уборку их комнат девки подкидывали мне то чаевые, то мелкие презенты. Так у меня появилась почти новая футболка, комплект дешевенького вульгарного белья (спасибо и на том), а Галька отдала мне тапки и старый ситцевый халат. Не знаю, зачем она его вообще сюда приперла.

Наскоро приведя себя в порядок, я принялась за свою нудную, безрадостную работу. Рухнув недавно с рыданиями физией прямо в циновку, я вдруг задумалась о том, что же мне делать? Сколько я еще тут проторчу, пока меня не грохнут? Неделю, две, а может, меньше? Хотя, возможно, я просто загнусь раньше, чем они за меня возьмутся. Спала я мало, ела еще меньше. Пашу, как раб на галерах, живу в нечеловече-

ских условиях. И, главное, веду себя, как безмозглая овца! Тихая и покорная... Я бы на месте хозяйки вообще с такой безотказной рабочей силой расставаться не спешила. Где она еще такую дуру найдет?

Пока я слушаю Галькину болтовню, утекают мгновения моей жизни, а мне даже задуматься некогда. Каждое утро я, как заведенная, беру тряпку и ползаю с ней по углам, следом пристраивается Галька, «садится» мне на ухо и тащится следом, забивая эфир. Потом она отправляется чистить перья, но ко мне тут же пристают другие девицы. Потом появляются клиенты, начинается шум-гам, я бегаю, как ошпаренная, на посылках, а потом в полубоморочном от усталости состоянии проваливаюсь в глубокий, без сновидений, сон.

Если я и дальше так продолжу, то сначала опущусь до состояния «овоща», а потом просто откину сандалии. Надо что-то делать! И срочно!

Преисполнившись решимости изменить свою жизнь, а главное, найти способ отсюда вырваться, я отправилась в хозяйские покои. Осмотрим для начала логово врага.

Предварительно постучав и убедившись, что в офисе пусто, я вошла в кабинет.

Телефон! Ну, что я за дура умственно отсталая? Сижу здесь сиднем столько дней – и ни разу не попробовала как-то выбраться! А ведь все так просто!

Я схватила трубку и набрала номер полиции.

Стоп! А что я им скажу? Меня похитили, приезжайте, я

здесь? Где – здесь? Идиотка! За столько дней пустой болтовни с Галькой я даже не озаботилась вопросом – узнать, где я нахожусь! Представив себе степень своего идиотизма, я от досады прокусила губу до крови. Нет, меня не убьют! Я буду вечно сидеть в этой дыре и бесплатно на них горбатиться! Они даже сторожить меня не станут. Зачем? Я и так никуда не денусь! Да они уже сейчас перестали обращать на меня внимание.

Я вспомнила, как первые два дня охранник следил за каждым моим шагом. Потом он просто посматривал на меня от дверей. Парадных. А у черного входа никто меня не тормозил. Но я и сама к нему не подходила. Даже из любопытства.

Да что же это со мной? Вроде ничего мне не кололо, ничем не поили, а размягчение мозга – налицо.

Представляю, как они надо мной прикалываются! Небось никогда не встречали такой трудолюбивой жены миллионера. Велели ей мыть полы – она и моет, с утра до ночи, с утра до ночи...

Боже! Это надо же – так деградировать!

За дверью слышались шаги. Не придумав ничего лучшего, я нырнула под стол. Кто-то прошаркал по коридору, и все снова стихло.

Так. Пребывание в этом темном строгом кабинете с облезлой офисной мебелью явно стимулировало мою мозговую деятельность.

Ну, отбросим лирику и посмотримся. Сейф. Он мне ни к

чему, грабить я их не собираюсь. Хотя у меня отобрали все деньги и документы. При случае можно было бы засунуть сюда нос... Шкаф, картотека. Компьютер! Можно написать своим! Опять-таки я не знаю, где я. А рисковать ради передачи пустой информации, типа: «Я жива, спасите!» – глупо. К тому же здесь наверняка установлен пароль.

Самое умное – убраться отсюда, пока меня не застукали, и попытаться залезть в кабинет в другой раз.

А сейчас – продолжать безостановочно драить полы как ни в чем не бывало.

Я включилась в рабочий процесс, ожидая, когда в коридоре послышится трубный глас моей «закадычной» подружки. Часа через полтора он раздался.

– Кто, сволочи, мои «тампаксы» слямзил? – Галька в одной рубашке вывалилась в коридор. – Джинка! Открывай! – Загрохотала она кулаком в соседнюю дверь.

Дверь открылась, но вместо появления Джины (рабочий псевдоним, разумеется) на Гальку кто-то выплеснул фонтан кока-колы.

– Ты что, офонарела?! – завизжала Галюня.

Открылась еще пара дверей, поднялся ор, гвалт – бордель пробудился. Когда разборки закончились и зеленая мымра, отвесив всем по порции тумачков, разогнала девиц по комнатам, Галька вышла мне на подмогу. Усевшись, как всегда, рядом со мной на карачки, она принялась изливать на меня очередной поток ненужной информации.

– Слушай, Галь, – прервала я ее на полуслове. – А как называется это место?

– Какое? Туалет, что ли? – В это время мы драили унита-
зы.

– Да нет. Где наше заведение находится. Как этот город называется? Ты адрес наш знаешь?

– Не-а. А зачем мне?

– Так как же ты переписываешься со своими? Куда тебе письма шлют?

– На е-мейл. Ты че, совсем ку-ку? Кто сейчас на бумаге пишет?

– А у тебя что, компьютер есть?!

– Ну да. Когда я первые два раза за телефонные разговоры с домашними своими заплатила, сразу смикитила, что так я только на телефон работать буду. А тут как раз Лали забере-
менела и уезжать собралась.

– Куда?

– А я почему знаю? Да мне и не по фигу ли? Главное, что она мне комп по дешевке продала. Примитивный, конечно, ну да мне по фигу. – «По фигу» было любимым Галькиным выражением.

– И он у тебя сейчас?

– А где ж ему быть? Если я каждый день с Колькой пере-
писываюсь?

– А можно, я как-нибудь разок с него своим напишу?

– Пиши, мне жалко, что ли?

Супер! Сколько времени зря потеряно!

– А все-таки как бы узнать, где мы находимся? – подумала я вслух.

– Эй, Кити? Где мы? – заорала моя закадычная подруга на всю ивановскую.

– What? – приоткрылась дверь ближайшей комнаты.

– Где мы, говорю? – громко, по слогам, повторила Галя.

– Where are we now? What is the name of this town? – перевела я вопрос.

– Ну, ты даешь! – искренне восхитилась дремучая путана Галина.

– Кольхапур.

– Как?! – вытаращились мы с Галькой на пару.

– Коль-ха-пур, – по слогам повторила Кити, выплывая в коридор. Колыхнув увесистым задом, она пошла мыть руки.

– А это Гоа?

– Гоа? Нет, конечно. Это Махараштра, – ответила она по-английски.

– И это далеко от Гоа?

С ответом она не торопилась – вредничала. Стоя перед зеркалом, Кити поворачивалась и так и эдак, явно будучи в восторге от собственных форм. Взглянуть там и правда было на что. Увесистый зад, тонкая талия, пышный бюст. Ноги, толстые в ляжках, заканчивались тонкими, изящными щиколотками и крохотными ступнями. Узкие плечи, пухленькие маленькие ручки, маленькая аккуратная головка, гибкая

длинная шея. Контуры ее фигуры вызвали в памяти очертания веретена. Оставалось удивляться, как ее объемистая центральная часть удерживает равновесие всей фигуры.

– Да нет. Почти на границе, – удостоило наконец меня ответом это чудо природы.

– Это большой город?

– Слушай, что ты пристала? Сходи да посмотри, – надула она маленькие пухлые губки.

– Слышь, ты, окорок, а ну, давай-ка не хами! – поднялась с корточек Галюня. Меня всегда поражало, как при полном незнании языка она умудрялась схватывать суть проблемы.

Кити при всей своей пышности росточком едва дотягивала Галке до подмышек. Чтобы окончательно деморализовать соперницу, Галка тряхнула своим «дынным» бюстом прямо перед носом присмирившей индианки.

– Че ты у нее спрашивала?

Я повторила вопрос и выяснила, что город так себе, не Мумбай, но памятников старины много, есть два дворца, старый и новый. Впервые в жизни именно это мне было до лампочки.

– Железная дорога тут есть?

– Нет.

– А аэропорт?

– Нет. – Да что она – все «нет» да «нет»! Разговаривать разучилась?

– А как отсюда выбраться?

– На машине, – быстро сказала Кити и вдруг как врезала Гальке носком шлепанца по голени! Галька заорала. Пока она вопила и прыгала на одной ножке, довольная поганка Кити убежала со смехом по коридору и скрылась в комнате.

– Ну, я тебе вечером устрою! – погрозила Галька кулаком захлопнувшейся двери.

Я вновь взялась за уборку, полностью уйдя в свои мысли и совершенно не слушая Галькину болтовню.

Значит, я нахожусь в другом штате. Вне юрисдикции шефа полиции Шиваджи. Скверно! Просто позвонить в местную полицию я и прежде боялась – мало ли на кого нарвусь. Позвонить ему в Гоа я тоже не могла: не знаю кода города. Хотя можно попробовать найти справочник или у девиц поспрашивать. Всего и делов-то, а какая результативность!

Но самое скверное, что здесь не ходят поезда и не летают самолеты. А машины у меня нет. Угон же уголовно наказуем. Хорошо бы найти карту, выяснить, сколько отсюда километров до границы с Гоа. Раз Леночка собиралась дойти пешком до Дели, то я вполне могу пройтись до Гоа. Но хотелось бы знать, сколько мне придется топтать, запастись продовольствием, водой и заранее проработать маршрут.

Я так увлеклась своими планами, что не сразу почувствовала, как кто-то трясет меня за руку.

– Ну, ты чего, оглохла? За фигом я тут горбачусь? Ты меня слушаешь или что?

– Ой, Галь, прости, я задумалась. Что ты говоришь?

Больше отвлечься от Галькиных излияний мне не удалось. Вскоре она отправилась обедать. Ели девицы в зале, вместе с хозяйкой, Зеленой мымрой и охранниками. Кухарки питались в кухне, а я как низшее существо в местной иерархии принимала пищу у себя в чулане, и то, если дадут.

Как рассказывал наш друг Радж, приготовление пищи в Индии – почти священный обряд, и если поваров нанимают, то только из касты брахманов. И хотя сейчас в Индии касты упразднены, но складывавшиеся веками устои умирают медленно и далеко не везде. Работа же, которую выполняла я, всегда была «прерогативой» касты неприкасаемых. Так что мое положение в этом богоугодном заведении вполне можно себе представить, если даже представительницы древнейшей профессии брезговали садиться со мной за один стол.

Мне вдруг стало как-то обидно. Горбаться на них – заметьте, бесплатно! – в счет какого-то сомнительного долга, спи в кладовке, так еще и кормят тебя, как какую-то дворнягу, из отдельной миски, в грязном чулане. Ну, я вам устрою! Неприкасаемая, значит? Ладно, мне как человеку европейской культуры кастовые нюансы не известны. Убивать меня пока что нельзя, а вот я живости в ваше болото добавлю! Мстительно ухмыльнувшись, я с аппетитом доела рис с овощами, мясо туда, как всегда, не положили. Ничего, вы у меня еще попляшете!

А пока что надо подумать, где достать карту этого Карпура... Нет, Кохпура, или?... Елки-палки! Как же он называ-

ется, этот город? Склероз проклятый! Записать надо было сразу!

Я сунулась туда-сюда и вспомнила, что сумки-то при мне нет. Писать нечем и негде. Плохо!

Так. Пора составить план действий, хватит мне метаться, как безголовой курице. И первым пунктом будет – раздобыть бумагу и ручку! Сейчас, кстати, и займусь этим.

Самым простым решением было зайти в кабинет к начальству и стибрить канцелярские принадлежности оттуда.

Обе тетki сейчас трескают в зале, поварихи сидят в кухне, самое время туда нагрянуть.

Отставив миску с недоеденным рисом, я потихоньку выглянула за дверь – никого. Кабинет находится в другом конце коридора. Надо пройти мимо кухни, мимо выхода в зал, короче, я в одном конце, начальство – в другом. Хорошо хоть, здесь всегда царит полумрак.

Наш притон был заведением простым, без изысков. Посреди здания располагался зал, где принимали «гостей», как их ласково величала Злобная тыква. Так я окрестила пухлую хозяйку заведения. Несмотря на ямочки на щечках и обманчиво-ласковые манеры, стерва она оказалась еще та, почище Зеленой мымыры. Так вот, вокруг зала шел широкий коридор, обшитый деревянными панелями, с маленькими оранжевыми светильниками на стенах, пол здесь был выложен симпатичной меленькой плиткой, сюда выходили двери комнат девиц. За этим коридором, который как бы брал в скобку зал,

находился другой коридор, рабочий. Был он коротким, по ширине здания, темным, по-моему, в нем даже проводки не было, пол здесь был дощатый, стены, наверное, крашеные. В этом сумраке не поймешь толком. Сюда выходили двери кухни, кабинета начальства, кабинета Зеленой мымыры, больше похожего на кладовку со столом, а также лестница, ведущая на второй этаж, где располагались хозяйские апартаменты и комната Мымыры, двери бельевой, прачечной со стиральной машиной (каких только чудес на свете не бывает!), кладовки, туалетов, душевой и моего чулана.

Туалет здесь был, как говорили у нас во времена застоя, «на этаже». Большое помещение, выложенное стареньким, кое-где потрескавшимся кафелем, служило сразу для всех возможных гигиенических целей. Вдоль одной стены – три кабинки с унитазами, вдоль другой – четыре раковины, и еще дверь в душевую. Тоже примитивную, с тремя душами. Но девки – ничего, радовались и этому.

Кухня располагалась посреди коридора, кабинет Тыквы – в одном его конце, мой чулан – в другом. Вход в зал – почти напротив кухни, но как бы за вторым коридором, двери здесь не было, только висел занавес из бамбука.

Сняв шлепанцы, я босиком порысила «на дело». Кухню я миновала благополучно, кухарки даже во время еды не замолкали ни на секунду, вход в зал тоже, вот и заветная дверь. Только бы не было заперто! Мне повезло. Дверь открылась легко и тихо. Не теряя времени, я схватила со стола несколь-

ко листов бумаги, пару ручек из стакана и уже напоследок выдернула из ящика стола блокнот без записей, это все же удобнее, чем листы бумаги. И наконец, вылетела за дверь. В коридоре было по-прежнему пусто.

Первым делом, вернувшись к себе, я составила план действий. Узнать и записать название города. Добыть карту. Воспользоваться Галькиным Интернетом, написать своим, в каком городе меня держат. Обследовать черный ход. Напакостить всем, кому смогу, кроме Гальки. И самое главное – сбежать! Предварительно запасшись едой, водой и, неплохо бы, деньгами. Если удастся, узнать код города Гоа, позвонить господину Шиваджи.

Довольная собой, я спрятала блокнот и ручки под циновку. Посидела с мечтательной улыбкой на лице, составляя план мести. Как же хорошо вновь ощущать себя пребывающей в твердом уме и здоровой памяти!

Глава 7

Когда в борделе начиналась вечерняя горячка, девицы наряжались, а в кухне кипела работа: резались овощи, бурлили кастрюли, и меня гоняли то с бельем, то с ящиками овощей, то со шваброй. Выдали, наконец, орудие производства! Я улучила момент и высыпала в котел с кипящим мясом – совершенно случайно! – пачку соли, которую принесла из кладовки. Как назло, пачка была рваная. Соль моментально растворилась, бумажный пакет весело бултыхался на поверхности. Вопль поднялся такой, что я сочла за лучшее спрятаться в своей конуре. А вдруг меня все же убьют?

Ничего. Не убили. Поорали, Мымра пнула меня ногой в недавно заживший бок – вечно она пинает в одно и то же место! Бок здорово заболел. Ладно, следующая на очереди – ты! Так я утешила себя, потирая свежий ушиб. Только лучше действовать исподтишка. И не попадаться. На сегодня, пожалуй, хватит диверсий.

Я переспросила у Кити название города, записала его в блокнот и включилась в обычную круговерть.

Впервые за последние пять дней я проснулась с улыбкой на лице и с предчувствием чего-то хорошего. Блаженно прикрыв глаза, я еще раз прокрутила в голове намеченные дела и, скрипя и охая, поднялась с подстилки. День начался не так, как ожидалось.

Ночью какому-то клиенту стало плохо, до туалета он не добрался, и его вытошнило прямо в коридоре. Вонь стояла жуткая, убирать все пришлось, конечно, мне. Орали тоже на меня. В итоге выполнить намеченное с утра мне не довелось, поскольку Мымра ходила за мной по пятам и вымещала на мне свое раздражение. Когда запас негатива у нее иссяк, а у меня прибавилась пара синяков, она отвалила в кухню, продавать печень другим жертвам.

Когда Мымра отчалила, из своей опочивальни выплыла Галя и, как всегда, присев на корточки рядом со мной, принялась молоть языком без устали. Удивляло только, как она при этом умудряется шуровать так ловко тряпкой.

Я, не справившись с собой, вновь окунулась в поток Галькиных рассказов: дед у нее на старости лет жениться удумал. Вся родня в шоке! Бабе только шестьдесят пять, а деду – все семьдесят шесть. Свой дом, пасека, сарай новый, баня. И счет на сберкнижке. Мед дачникам толкает, и пенсия приличная.

– Вишь, стерва какая, что удумала! Говорят ведь люди – на чужой каравай рот не разевай. Ну, ничего, наши на деда навалятся, враз образумят. Это ему, видать, за самим собой ухаживать тяжело стало, но мамка с теткой и с Катькой, сеструхой моей двоюродной, быстро порядок наведут. И то, колоды, могли и раньше сообразить, не доводить до крайности. А невеста эта – та еще корова. Куркуль куркулем! Жадная, хитрая, в дом никого не пускает. Как ни придешь к ней, все

на веранде гостей держит. Не убрано у меня, говорит. А кто все же был в доме-то, рассказывают – чисто у нее, как в больнице, ни пылинки, ни соринки. Вещи все по комодам попрытаны. Ходит восемь лет в одном пальто. Платку ее небось и того больше.

– Так, может, у нее на другое пальто денег нет?

– Ага! Щас! Тетка, Валя Гаврюшина, раз ее в центре встретила, в магазине. Прямо у кассы. Той деваться некуда было, такое, говорит тетка, лицо она скроила, ей кассирша как раз чек выбила и сумму называет – четыре тысячи! А потом пакет из-под прилавка достает: пальто ваше, пожалуйста. Ну, каково?

– Да, может, она не себе, а детям его покупала?

– Детям! Дочь у нее в Хабаровске, замужем за военным, он по хозяйственной части. Сын и того лучше устроился. В Москве на какой-то бабе с детьми и пропиской женился, давно уже, лет двадцать тому назад. Они уже выросли. Квартира у них своя. Слесарем работает в ЖЭКе, богатым жильцам унитаза чинит. На фиг им пальто ее! Они сами ей деньги шлют.

Дальше я уже не слушала. Через часа три, приведя заведение в сияющий вид, я зашла к подруге, прикрыла поплотнее дверь и попросила ее постоять снаружи на шухере. Типа, заметят, что я бездельничаю, и достанется мне на орехи.

Будем надеяться, что я правильно помню e-мейлы своего семейства. На всякий случай pošлю всем одинаковые по-

слания. Какое-нибудь из них дойдет.

«Я в Кольхапуре, Махараштра. Жива, здорова. Попробую убежать. Юля». Отправив послания, я постаралась побыстрее отделаться от Гали и заняться своими насущными делами.

Я отправилась в душевую и попыталась раскрутить там все возможные гайки и болты. Через час титанических усилий мне кое-как удалось раскурочить одну фиговину на вентиле горячей воды смесителя. И то лишь потому, что он и так уже болтался. Присев на подоконник, я утерла пот со лба и с унынием взглянула на результаты своих трудов. Не густо! Похоже, техногенные катастрофы – не мой профиль.

Надо переходить к более примитивным мерам. Например, намылить лестницу!

Не откладывая дела в долгий ящик, я взяла мыло, мокрую тряпку и отправилась на дело. Никто не обратил на меня внимания. Поднявшись до середины лестницы, я густо намылила пару ступеней и тихо удалилась.

Посидев у себя минут десять и не дождавшись результатов, я пошла бродить в поисках вдохновения. В зале было пусто. Хм!

В углу, за барной стойкой, стояла здоровенная бочка с вином. Охранник дремал за дверью под навесом. Бармена не было видно, девиц – тем более. Хозяйка в кабинете рассчитывалась с поставщиком. Мымра лаялась с Джиной где-то в недрах борделя. Я подошла и слегка открутила краник. То-

ленькая струйка малиновой жидкости потекла под стойку. Пол в зале был из темного, красноватого оттенка дерева, и лужу было практически не видно. Постояв и поглазев по сторонам, я, не придумав ничего другого, отправилась восвояси. Свернув в первый коридор, я увидела, как Нандита, высокая изящная девица, с сумкой под мышкой, при полном параде направляется к выходу.

– В город? – завистливо поинтересовалась я.

– Ага. Мы с Шарадом идем в кино, на новый американский мультик. – Она отправила в рот кубик «Дирола» и, бросив мне на прощание: – Чао! – удалилась, покачивая бедрами.

Нандита встречалась с одним парнем, портье в крупной гостинице. Врала ему, что живет с сестрой, матерью и очень строгим дядей, якобы они после шести вечера не выпускают ее на улицу. Запрещала себя провожать и, кажется, успешно водила его за нос.

Дождавшись, пока Нандита переступит через порог, я отправилась в ее комнату. Перегородки в нашем заведении излишней шумоизоляцией не страдали, и я тут же услышала, как за стенкой Ума кувыркается с зеленщиком. Мало ей этой радости на работе! За другой стеной Джина вовсю рыдала над каким-то слезливым сериалом про любовь, она вообще была девицей недалекой и жутко сентиментальной. Я прикрыла дверь и задумалась: а зачем я сюда приперлась?

Постояв минут пять, я прихватила со стола дешевенькие

бусы из бирюзы и отбыла, как будто меня здесь и не было. Дальше ноги понесли меня в кухню. Тут стояли ор и ругань. Насколько я смогла понять, одна из поварих – их было четверо – получила письмо от сына из Дели и стала хвастаться, а другая из зависти сказала ей какую-то гадость, и первая кинула в обидчицу горсть рыбных голов. Ну, а уж дальше пошло-поехало.

Никем не замеченная, я вышла через кухонную дверь на задний двор и огляделась. За пять дней пребывания здесь у меня не хватило ума даже нос за дверь высунуть! Впрочем, ничего радостного я не заметила. Небольшой голый дворик. С трех сторон – стены соседних домов, совершенно глухие, дома этажа по два в каждом. Я не муха, по стенам не вскарабкаюсь. Напротив кухни – ворота. Большие, железные. Похоже, на электронном замке. Случайных гостей здесь, видимо, не жалуют. Побег в этом направлении представлялся затруднительным, но все же не безнадежным.

Я вернулась в кухню. Свара еще не закончилась. Ор стоял на всю округу, но начальство этим скандалом почему-то не заинтересовалось. Тетки стояли посреди кухни, в воздухе мелькали их загорелые руки, всполохами ярких красок взлетали края сари. На меня по-прежнему никто внимания не обращал.

На плите в огромной кастрюле булькало ароматное мясо с пряностями. Меня такими деликатесами никто здесь не потчевал. Оглянувшись на всякий случай по сторонам, я взяла с

полки чистую миску и навалила себе до краев мяса, туда же положила цыпленка, готовившегося на соседней сковороде, и креветок с овощами. «Что ни зьим, то пиднадкусываю!» Напоследок, окончательно распоясавшись, а сыпанула во все кастрюли перца с карри – такой дозы пряностей хватило бы на месяц. И, довольная собой, удалилась в чулан. Я пиrowала, сидя по-турецки на циновке, когда внезапно послышался страшный грохот, аж пол вздрогнул, а затем – чей-то душе-раздирающий вопль. Кажется, это Тыква на лестнице навернулась, философски отметила я, отправляя в рот очередную порцию креветок. Мне теперь надо хорошо питаться, впереди побег! Любопытство меня не мучило. Кто первый добежит до места происшествия, тот первый и попадет под раздачу. Судя по воплям, первой примчалась Зеленая мымра. Правильно, ей по должности положено, девки-то ленивые, пока они зады свои от кроватей оторвут! Кухаркам и без того весело. Охранник – на улице, пока еще до него доорутся...

Вот теперь и остальные подтянулись. Я доела креветки и мясо и пресыщенно взглянула на цыпленка. Нет. Сейчас он в меня не влезет. Возьму на кухне крышку, накрою его, вечером доем. Я не спеша сползала в пищеблок, взяла крышку, прихватила хлеб, бутыль какого-то сока и такой же вальяжной походочкой вернулась к себе. Весь персонал в это время с охами и вздохами переносил Тыкву в зал, на диван, Мымра звонила из своего кабинета в «Скорую». Тут меня посетила светлая мысль. Отбросив неуместное пока что самодоволь-

ство, я сбегала в подсобку, схватила ведро, тряпку и побежала замывать лестницу. Вот теперь попробуйте догадаться, в чем было дело! Так я радовалась, ликвидируя следы преступления. Как выяснилось, не напрасно: когда мадам увезли в больницу с подозрением на перелом, Мымра с фонарем осмотрела лестницу, ничего странного не обнаружила, и все решили, что хозяйка просто споткнулась.

Джина, как самая сердобольная, поехала в больницу. Часа через два она возвратилась с известием, что у хозяйки перелом, дня два она полежит в больнице, потом вернется домой.

Зеленая мымра расцвела. На два дня она станет полноценной хозяйкой борделя! Мама дорогая! Кажется, я промахнулась – надо было сначала ее из строя вывести. Теперь она нам покажет небо в алмазах!

И я не ошиблась. За обедом обнаружилось, что почти все блюда отчаянно переперчены и совершенно несъедобны. Поварихам тут же припомнили их утренний скандал и вычли из жалованья. Судя по их лицам, не меньше половины. Потом досталось девицам. Почему в комнатах такой бардак, все жирные, как коровы, скоро клиентов сюда не заманишь? И прочее в том же духе. Охранника она не тронула, бармен с официантами еще не появлялись, так что львиная доля ее амбиций излилась на меня. Увидев, как я подтираю пол, заляпанный мясом – распробовав свой обед, она с яростью шваркнула на пол тарелку, а заодно и общее блюдо, – она разоралась на всю ивановскую, заявила, что у меня руки из

задницы растут, и вылила на меня ведро грязной воды.

Требовалось серьезно подумать. Простым переломом тут не обойдешься! Хотелось бы устроить что-нибудь покруче... Надо бы осмотреть второй этаж, вдруг меня осенит? Хозяйка обычно при полном параде по вечерам встречала в зале гостей, следила за девицами, бдила за барменом и официантами, короче, контролировала процесс. Думаю, сегодня мы увидим дебют Зеленой мымры. Обычно ее дальше парадного коридора не выпускали. Вот тогда я и развернусь!

Время за всей этой беготней пролетело незаметно. В зале давно уже гроыхала музыка, ржали подвыпившие клиенты, Галька с подругами (в рабочей униформе) крутила задом на танцполе, а я все еще никак не могла приступить к осуществлению своего плана. Госпожа Ваджпай ровно в шесть часов вечера спустилась со второго этажа под восхищенное кудахтанье запуганного персонала. В ярко-алом сари, увешанная с головы до ног побрякушками – из ее ноздри к носу протянулась такая гирлянда, не каждая рождественская елка выдержит, – с замысловатой прической на голове, она ступала, как королева. В походке и манерах сразу всплыло панельное прошлое этой дамы, впрочем, смешно было бы ожидать, что свою карьеру она начинала в качестве нотариуса, например.

Только через часа четыре после открытия заведения я смогла пробраться наверх, предварительно стибрив фонарик из кабинета нашей новой распорядительницы.

Хлебнув для храбрости коньяка в баре – проходила мимо

с подносом грязной посуды и прихватила бутылочку «Хен-неси», так, на всякий случай, – я приступила к операции под кодовым названием «Гнездо кобры». Не операция «Ы», конечно, но все же и мы не лыком шиты!

Площадка второго этажа радовала глаз светлыми стенами и дверями из ценных пород дерева в количестве двух штук. Начнем по порядку.

Я плавно нажала на ручку левой двери, и, о чудо, она открылась! Проскользнув внутрь, я быстренько закрыла дверь и огляделась. Большой салон с белыми кожаными диванами, огромным плазменным теликом на стене, в углу – барная стойка, какие-то абстрактные картины на стенах. В целом комната была обставлена сугубо по-европейски, ничто здесь не напоминало о том, что вы находитесь в Индии. Ни единой безделушки, ни вышитого платка – вокруг были только стандартные безликие предметы из какого-нибудь европейского гипермаркета. Это что, высший индийский шик? Как у нас на родине – евроремонт со стеклопакетами и ламинатом на полу? Ничего интересного я здесь не обнаружила и отправилась дальше. Направо была маленькая, девственно-чистая современная кухня, где, по-моему, никогда ничего не готовили. На всякий случай я прошлась по шкафам – пусто, кроме пачки чая и сахарницы, ничего нет. Ладно, может, в спальне мне больше повезет. Что я искала, и сама не знаю. Спальня экзотикой тоже меня отнюдь не поразила. Безликая белая мебель, резная, с завитушками, большой зеркальный

шкаф, набитый нарядами, комод с бельем, трюмо, пуфик, огромная картина над кроватью – голая тетка на пестром покрывале. Может, за картиной пошарить? Я разулась, влезла на покрытую черным, вышитым крупными яркими цветами покрывалом кровать и заглянула за картину. Так и есть: сейф тут как тут. А толку? Ключа у меня нет, кода я не знаю. И зачем я сюда приперлась?

Я присела на кровать и задумалась. Должна же быть от этого визита хоть какая-то польза. Идея! Я встала и подошла к шкафу. Если мне удастся сбежать, я буду сильно бросаться в глаза в своих заляпанных штанах и грязной футболке. Неплохо бы запастись подходящей одеждой! Вот это темно-сиреневое сари и лиловая блузка вполне мне подойдут. Нет ли у нее мелких денег в какой-нибудь сумке?

Я подтащила к шкафу стул и залезла на антресоли. Деньги нашлись, немного, долларов пятьдесят. Ничего, для меня и это – деньги. Возьму, пожалуй, и сумочку. Объемистый черный кожаный баул, он вполне может пригодиться.

Покинув начальственные апартаменты, я вышла на площадку и попробовала открыть вторую дверь. Увы, она была заперта. Ну и ладно. Хватит с меня на сегодня.

Во что я превратилась, задалась я горьким вопросом, сидя в своей конуре и перебирая трофеи. В мелкого воришку и пакостника!

Не успела я перевести дух, как в коридоре слышались быстрые шаги. Я еле успела припрятать добычу! Дверь рыв-

ком распахнулась, чуть не хлопнув меня по носу.

– Чего расселась? Марш работать! – рывкнула разряженная в пух и перья фурия.

Пришлось вставать и топать, а вернее, бежать на трудовую вахту.

Вечер шел гладко, и это меня не радовало: надо все же испортить ей обедню, и бок мой все ноет. Вредительствовать в кухне я больше не буду, поварих и так ни за что наказали. Бусы! Выполнив все поручения и дождавшись свободной минутки, я проскользнула в парадный коридор и высыпала из кармана нитку уже разорванных мною заранее бус. Прямо посреди прохода из кухни в зал. И быстренько, быстренько дала деру – зеркало в душевой протирать.

Через минуту, не успела я два раза тряпкой провести по зеркалу, раздался вопль. Мужской. Чудненько! Клиент на-вернулся! Потом второй, тоже мужской клич – два клиента рухнули, что ли? Надо бы сходить, посмотреть. Ого, орут уже трое, два мужика и баба.

Когда я прибыла на место, в коридоре собрался весь дружный коллектив. В зале гремела музыка, так что посетители ничего не слышали, сюда сбежались только свои.

На полу лежал и выл от боли, держась за ногу, какой-то господин, пухлый, пожилой, в голубом костюме, с бородой. На нем, пытаясь встать, барахтался официант, облитый горячим соусом, с закуской в прическе. Скакала на своих высоченных шпильках Кити, вихляя пышными бедрами, пы-

таясь вытащить из-под официанта своего «папика». Венчала сию пирамиду Зеленая мымра, видно, примчавшаяся на всех парусах на крик и споткнувшаяся о валявшихся на полу мужиков. Она вляпалась носом в блюдо с карри: зад оттопырен, дергается и ногами по воздуху молотит! Официант матерился, Мымра все визжала... Персонал пытался их поднять, но без конца поскользнулся на бусинах. В конце концов кто-то сообразил принести швабру и собрать бусины в совок. Несчастных подняли. Мужика отнесли в комнату к Кити и положили на диван в ожидании прихода доктора. Официант отправился в душ. Мымра – переодеваться. По дороге она клялась, что узнает, чьих рук это дело, и в пыль эту гадину сотрет. Надо бы предупредить Нандиту, чтобы она помалкивала, ведь это ее бусы.

Через пару часов, когда последнего пьяного «гостя» охранник погрузил в такси и дверь шалмана, наконец, заперли изнутри на засов, я запихнула свои орудия производства в подсобку и побрела к себе.

Кто бы знал, как мне хочется принять ванну и выспаться по-человечески, на кровати, а не на подстилке, как какой-то дворняжке! Почистить зубы пастой, а не просто мокрой щеткой, оттереть шкуру мочалкой, намыленной душистым гелем, а не куском вонючего дешевого мыла из туалета!

А что это я «торможу»? Я развернулась на сто восемьдесят градусов и пошла к лестнице. Хватит с меня! Буду сегодня спать, как человек, на кровати.

Не очень-то стесняясь, я поднялась наверх, вошла в хозяйские апартаменты, закрыла за собой дверь на замок – для лучшего спокойствия и отправилась в ванную комнату.

Набрав до краев огромную ванну, вылив туда полбутыли ароматной пены, я взяла из хозяйского бара бутылку красного вина, бокал, вазу с конфетами, зажгла ароматические свечи, поставила их по краям ванны и погрузилась в теплую ласковую воду. Проснулась я от щекотки в носу. О Господи! Я в ванне уснула! Хорошо, не утонула – пена попала в нос. Надо выбираться. Вымыв голову и сполоснувшись, я завернулась в огромный махровый халат, позаимствованный в хозяйском шкафу, и рухнула в разобранную мною заранее постель.

Глава 8

Разбудил меня ласковый луч солнца. Он нежно грел мою щеку и медленно подбирался к глазам. Я блаженно потянулась, сладко зевнула – и подскочила на постели. Где я?!

Елки-палки! Я упала обратно на подушки. Несколько секунд между сном и явью мне казалось, что я дома, рядом с Василием... Я заплакала. Хочу домой, к детям, к мужу. Живой хочу остаться! Выла я недолго. Потому что в голове моей начали всплывать вопросы, один за другим, вытеснив прочь пустые страдания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.